

ВИМНИЕ
СКАЗКИ

И РОЖДЕСТВЕНСКИЕ
ПРЕДАНИЯ

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Подарочные издания. Иллюстрированная классика

Сборник
**Зимние сказки и
рождественские предания**

«Алисторус»

2019

УДК 398.21
ББК 84.2(2Рос=Рус)-442

Сборник

Зимние сказки и рождественские предания / Сборник —
«Алисторус», 2019 — (Подарочные издания. Иллюстрированная
классика)

ISBN 978-5-907120-72-3

Зима — это не только снег, метель, трескучий мороз. Это еще и теплый дом, где родители и дети, удобно устроившись в креслах и на диване, читают вслух и слушают книги о чудесах за окном: сказки о проделках Матушки Зимы и Снежной королевы, рассказы о жизни и разговорах в заснеженном лесу птиц и зверей, предания о рождении более двух тысяч лет назад в Вифлееме Младенца Иисуса... Книга снабжена иллюстрированным комментарием о сказочном творчестве разных народов мира, происхождении мифических сюжетов, даны характеристики развития образов главных волшебных персонажей.

УДК 398.21
ББК 84.2(2Рос=Рус)-442

ISBN 978-5-907120-72-3

© Сборник, 2019
© Алисторус, 2019

Содержание

Народные сказки	5
Зимовье зверей	5
Два Мороза	9
Морозко	11
Мороз и Заяц	15
Битый небитого несет	16
По шучьему веленью	20
Заяц-хвастун	24
Двенадцать месяцев	25
Старый Мороз и молодой Морозец	29
Сказки русских писателей	31
Антоний Погорельский	31
Владимир Одоевский	48
Николай Гоголь	53
Константин Ушинский	83
Модест Богданов	84
Павел Засодимский	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Зимние сказки и рождественские предания: Сборник

Народные сказки

Зимовье зверей

Русская сказка в пересказе Александра Афанасьева

Шел бык лесом, попадается ему навстречу баран.

– Куда, баран, идешь? – спросил бык.

– От зимы лета ищу, – говорит баран.

– Пойдем со мною!

Вот пошли вместе, попадается им навстречу свинья.

– Куда, свинья, идешь? – спросил бык.

– От зимы лета ищу, – отвечает свинья.

– Иди с нами.

Пошли втроем дальше, навстречу им гусь.

– Куда, гусь, идешь? – спрашивает бык.

– От зимы лета ищу, – отвечает гусь.

– Ну, иди за нами!

Вот гусь и пошел за ними. Идут, а навстречу им петух.

– Куда, петух, идешь? – спросил бык.

– От зимы лета ищу, – отвечает петух.

– Иди за нами!

Вот они идут путем-дорогою и разговаривают промеж себя:

– Как же, братцы-товарищи! Время подходит холодное, где тепла искать?

Бык и сказывает:

– Ну, давайте избу строить, а то, чего доброго, и впрямь зимою замерзнем.

Баран говорит:

– У меня шуба тепла – вишь какая шерсть! Я и так перезимую.

Свинья говорит:

– А по мне хоть какие морозы – я не боюсь: заруюсь в землю и без избы прозимую.

Гусь говорит:

– А я сяду в середину ели, одно крыло постелю, а другим оденусь, меня никакой холод не возьмет; я и так прозимую.

Петух говорит:

– А разве у меня нет своих крыльев? И я прозимую!

Бык видит – дело плохо, надо одному хлопотать.

– Ну, – говорит, – вы, как хотите, а я стану избу строить.

Выстроил себе избушку и живет в ней. Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баран просится у быка:

– Пусти, брат, погреться.

– Нет, баран, у тебя шуба тепла; ты и так перезимуешь. Не пущу!

– А коли не пустишь, то я разбегусь и вышибу из твоей избы бревно; тебе же будет холоднее.

Бык думал-думал: «Дай пуцу, а то, пожалуй, и меня заморозит», – и пустил барана.
Вот свинья прозябла, пришла к быку:

– Пусти, брат, погреться.

– Нет, не пуцу! Ты в землю зароешься и так перезимуешь.

– А не пустишь, так я рылом все столбы подрою да твою избу сворочу.

Делать нечего, надо пустить. Пустил и свинью.

Тут пришли к быку гусь и петух:

– Пусти, брат, к себе погреться.

– Нет, не пуцу! У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; так и прозимуете!

– А не пустишь, – говорит гусь, – так я весь мох из твоих стен повыщиплю, тебе же холоднее будет.

– Не пустишь? – говорит петух. – Так я взлечу на чердак и всю землю с потолка сгребу, тебе же холоднее будет.

Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся, и петуха.

Вот живут они себе в избушке. Отогрелся в тепле петух и начал песенки распевать. Услыхала лиса, что петух песенки распевает, захотелось ей петушиным мясом полакомиться. Да как достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась к медведю да волку и сказала:

– Ну, любезные куманьки! Я нашла для всех поживу: для тебя, медведь, – быка, для тебя, волк, – барана, а для себя – петуха.

– Хорошо, кумушка! – говорят медведь и волк. – Мы твоих услуг никогда не забудем. Пойдем же приколем да поедем!

Лиса привела их к избушке. Медведь говорит волку:

– Иди ты вперед!

А волк кричит:

– Нет, ты посильнее меня, иди ты вперед!

Ладно, пошел медведь; только что в двери – бык наклонил голову и припер его рогами к стенке. А баран разбежался, да как бацнет медведя в бок и сшиб его с ног. А свинья рвет и мечет в клочья. А гусь подлетел – глаза щиплет. А петух сидит на брису и кричит:

– Подайте сюда, подайте сюда!

Волк с лисой услышали крик да бежать!

Вот медведь рвался, рвался, насилу вырвался, догнал волка и рассказывает:

– Ну, что было мне! Этакое страху отродясь не видывал. Только что вошел я в избу, откуда ни возьмись, баба с хватом на меня... Так к стене и прижала! Набежало народу пропасть: кто бьет, кто рвет, кто шилом в глаза колет. А еще один на брису сидел да все кричал: «Подайте сюда, подайте сюда!» Ну, если б подали к нему, кажись бы, и смерть была!

Зима – волшебное время года, когда весь мир замирает в ожидании радостных праздников Рождества и Нового года. Когда год кончается, Зима только начинается. Мороз в одну ночь становится, снег от лютого холода землю покрывает словно шубой. Льдом зимой уже не торгуют, он повсюду лежит. Все крепче холод – железо рвет и на лету птицу бьет, стоять не велит, и солнцу греть не позволяет. Зима ежегодно отправляет всю природу с ее обитателями в многомесячный сон.

Зиму в мифах европейских народов чаще изображают старухой, которая держит в темнице до поры до времени красавицу девицу Весну. Но вот приходит конец матушке седой Зиме, и ей на смену приходит зеленая Весна. Лед умирает, трава оживает, звери из нор выползают.

**Зима недаром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится**

И гонит со двора.

Два Мороза

Русская сказка в пересказе Михаила Михайлова

Гуляли по чистому полю два Мороза, два родных брата, с ноги на ногу поскакивали, рукой об руку поколачивали. Говорит один Мороз другому:

– Братец Мороз – Багровый нос! Как бы нам позабавиться – людей поморозить?

Отвечает ему другой:

– Братец Мороз – Синий нос! Коль людей морозить – не по чистому нам полю гулять. Поле все снегом занесло, все проезжие дороги замело: никто не пройдет, не проедет. Побежим-ка лучше к чистому бору! Там хоть и меньше простору, да зато забавы будет больше. Все нет-нет, да кто-нибудь и встретится по дороге.

Сказано – сделано. Побежали два Мороза, два родных брата, в чистый бор. Бегут, дорогой тешатся: с ноги на ногу попрыгивают, по елкам, по сосенкам пощелкивают. Старый ельник трещит, молодой сосняк поскрипывает. По рыхлому ль снегу пробегут – кора ледяная; былинка ль из-под снега выглядывает, – дунут, словно бисером ее всю унижут.

Послышали они с одной стороны колокольчик, а с другой бубенчик: с колокольчиком барин едет, с бубенчиком – мужичок.

Стали Морозы судить да рядить, кому за кем бежать, кому кого морозить.

Мороз – Синий нос, как был помоложе, говорит:

– Мне бы лучше за мужичком погнаться. Его скорей дойму: полушубок старый, заплатаанный, шапка вся в дырах, на ногах, кроме лаптишек, – ничего. Он же, никак, дрова рубить едет. А уж ты, братец, как посильнее меня, за барином беги. Видишь, на нем шуба медвежья, шапка лисья, сапоги волчьи. Где уж мне с ним! Не совладаю.

Мороз – Багровый нос только подсмеивается.

– Молод еще ты, – говорит, – братец!.. Ну, да уж быть по-твоему. Беги за мужичком, а я побегу за барином. Как сойдемся под вечер, узнаем, кому была легка работа, кому тяжела. Прощай покамест!

– Прощай, братец!

Свистнули, щелкнули, побежали.

Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистом поле. Спрашивают друг друга – что?

– То-то, я думаю, намаялся ты, братец, с барином-то, – говорит младший. – А толку, глядишь, не вышло никакого. Где его было пронять!

Старший посмеивается себе.

– Эх, – говорит, – братец Мороз – Синий нос, молод ты и прост! Я его так уважил, что он час будет греться – не отогреется.

– А как же шуба-то, да шапка-то, да сапоги-то?

– Не помогли. Забрался я к нему и в шубу, и в шапку, и в сапоги, да как зачал знобить! Он-то ежится, он-то жмётся да кутается; думает: дай-ка я ни одним суставом не шевельнусь, авось меня тут мороз не одолеет. Ан не тут-то было! Мне-то это и с руки. Как принялся я за него – чуть живого в городе из повозки выпустил! Ну, а ты что со своим мужичком сделал?

– Эх, братец Мороз – Багровый нос! Плохую ты со мной шутку шутил, что вовремя не образумил. Думал – заморожу мужика, а вышло – он же отломал мне бока.

– Как так?

– Да вот как. Ехал он, сам ты видел, дрова рубить. Дорогой начал было я его понимать, только он всё не робеет – еще ругается: такой, говорит, сякой этот мороз. Совсем даже обидно стало; принялся я его еще пуще щипать да колоть. Только ненадолго была мне эта забава. Приехал он на место, вылез из саней, принялся за топор. Я-то думаю: тут мне сломить его. Забрался

к нему под полушубок, давай его язвить. А он-то топором машет, только щепки кругом летят. Стал даже пот его прошибать. Вижу: плохо – не усидеть мне под полушубком. Под конец инда пар от него повалил. Я прочь поскорее. Думаю: как быть? А мужик все работает да работает. Чем бы зябнуть, а ему жарко стало. Гляжу: скидает с себя полушубок. Обрадовался я. «Погоди же, говорю, вот я тебе покажу себя!» Полушубок весь мокрехонек. Я в него забрался, заморозил так, что он стал лубок лубком.

Надевай-ка теперь, попробуй! Как покончил мужик свое дело да подошел к полушубку, у меня и сердце взыграло: то-то потешусь! Посмотрел мужик и принялся меня ругать – все слова перебрал, что нет их хуже. «Ругайся, – думаю я себе, – ругайся! А меня всё не выживешь!» Так он бранью не удовольствовался – выбрал полено подлиннее да посучковатее, да как примется по полушубку бить! По полушубку бьет, а меня всё ругает.

Мне бы бежать поскорее, да уж больно я в шерсти-то завяз – выбраться не могу. А он-то колотит, он-то колотит! Насилу я ушел. Думал, костей не соберу. До сих пор бока ноют. Закаялся я мужиков морозить.

– То-то! С барином-бездельником немудрено справиться, а вот мужика никогда и никому не одолеть!

Морозко

Русская сказка в пересказе Александра Афанасьева

Жили-были старик да старуха. У старика со старухой было три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была ей падчерица), почасту ее журила, рано будила и всю работу на нее свалила. Девушка скотину поила-кормила, дрова и водицу в избу носила, печку топила, обряды¹ творила, избу мела и все убирала еще до свету; но старуха и тут была недовольна и на Марфушу ворчала:

– Экая ленивица, экая неряха! И голик-то не у места, и не так-то стоит, и сорно-то в избе.

Девушка молчала и плакала; она всячески старалась мачехе уноровить² и дочерям ее услужить; но сестры, глядя на мать, Марфушу во всем обижали, с нею вздорили и плакать заставляли: то им и любо было! Сами они поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались и за работу садились, когда пообедают. Вот наши девицы росли да росли, стали большими и сделались невестами. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Старик жалко было старшей дочери; он любил ее за то, что была послушная³ да работающая, никогда не упрямилась, что заставят, то и делала, и ни в чем слова не перекорила⁴; да не знал старик, чем пособить горю. Сам был хил, старуха ворчунья, а дочери ее ленивицы и упрямицы.

Вот наши старики стали думу думать: старик – как бы дочерей пристроить, а старуха – как бы старшую с рук сбыть. Однажды старуха и говорит старику:

– Ну, старик, отдадим Марфушу замуж.

– Ладно, – сказал старик и побрел себе на печь; а старуха вслед ему:

– Завтра встань, старик, ты пораньше, запряги кобылу в дровни и поезжай с Марфуткой. А ты, Марфутка, собери свое добро в коробейку да накинь белую исподку⁵: завтра поедешь в гости!

Добрая Марфуша рада была такому счастью, что увезут ее в гости, и сладко спала всю ночь; поутру рано встала, умылась, богу помолилась, все собрала, чередом уложила, сама нарядилась, и была девка – хоть куды невеста! А дело-то было зимою, и на дворе стоял трескучий мороз.

Старик наутро ни свет ни заря запряг кобылу в дровни, подвел ко крыльцу; сам пришел в избу, сел на коник и сказал:

– Ну, я все изладил!

– Садитесь за стол да жрите! – сказала старуха.

Старик сел за стол и дочь с собой посадил; хлебница⁶ была на столе, он вынул челпан⁷ и нарушал⁸ хлеба и себе, и дочери. А старуха меж тем подала в блюде старых шей и сказала:

– Ну, голубка, ешь да убирайся, я вдоволь на тебя нагладелась! Старик, увези Марфутку к жениху; да смотри, старый хрыч, поезжай прямой дорогой, а там сверни с дороги-то направо, на бор, – знаешь, прямо к той большой сосне, что на пригорке стоит, и тут отдай Марфутку за Морозка.

¹ Женские платья.

² Приноровиться, привыкнуть по нраву.

³ Послушная.

⁴ Не перечила.

⁵ Чистую рубаху.

⁶ Круглая коробка, лукошко с крышкой для держания хлеба.

⁷ Непочатый каравай хлеба, пирог без начинки.

⁸ Нарезал.

Старик вытаращил глаза, разинул рот и перестал хлебать, а девка завывала.

– Ну, что тут нюни-то распустила! Ведь жених-то красавец и богач! Мотри-ка, сколько у него добра: все елки, мянды⁹ и березы в пуху; житье-то завидное, да и сам он богатырь!

Старик молча уклал пожитки, велел дочери накинуть шубняк¹⁰ и пустился в дорогу. Долго ли ехал, скоро ли приехал – не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Наконец доехал до бору, своротил с дороги и пустился прямо снегом по насту; забравшись в глушь, остановился и велел дочери слезать, сам поставил под огромной сосной коробейку и сказал:

– Сиди и жди жениха, да мотри – принимай ласковее.

А после заворотил лошадь – и домой.

Девушка сидит да дрожит; озноб ее пробрал. Хотела она выть, да сил не было: одни зубы только постукивают. Вдруг слышит: невдалеке Морозко на елке потрескивает, с елки на елку поскакивает да пощелкивает. Очутился он и на той сосне, под коей дэвица сидит, и сверху ей говорит:

– Тепло ли те, дэвица?

– Тепло, тепло, батюшко-Морозушко!

Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать.

Мороз спросил девицу:

– Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная?

Девушка чуть дух переводит, но еще говорит:

– Тепло, Морозушко! Тепло, батюшко!

Мороз пуще затрещал и сильнее защелкал и девице сказал:

– Тепло ли те, дэвица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, лапушка?

Девушка окостенела и чуть слышно сказала:

– Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился, окутал девицу шубами и отогрел одеялами.

Старуха наутро мужу говорит:

– Поезжай, старый хрыч, да буди молодых!

Старик запряг лошадь и поехал. Подъехавши к дочери, он нашел ее живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую и короб с богатыми подарками. Не говоря ни слова, старик сложил все на воз, сел с дочерью и поехал домой. Приехали домой, и девица бух в ноги мачехе. Старуха изумилась, как увидела девку живую, новую шубу и короб белья...

Вот спустя немного старуха говорит старику:

– Увези-ка и моих-то дочерей к жениху; он их еще не так одарит!

Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Вот поутру рано старуха деток своих накормила и, как следует, под венец нарядила и в путь отпустила. Старик тем же путем оставил девок под сосною. Наши девицы сидят да посмеиваются:

– Что это у матушки выдуманно – вдруг обеих замуж отдавать? Разве в нашей деревне нет и ребят! Неровен, черт приедет, и не знаешь какой!

Девушки были в шубнях, а тут им стало зябко.

– Что, Параха? Меня мороз по коже подирает. Ну, как суженый-ряженный не приедет, так мы здесь околеем.

– Полно, Машка, врать! Коли рано женихи собираются; а теперь есть ли и обед¹¹ на дворе.

– А что, Параха, коли приедет один, кого он возьмет?

– Не тебя ли, дурище?

⁹ Верхние слои сосны.

¹⁰ Крестьянская баранья шуба.

¹¹ Обеденная пора, полдень.

– Да, мотри, тебя!

– Конечно, меня.

– Тебя! Полное тебе цыганить¹² да врать!

Морозко у девушек руки ознобил, и наши девицы сунули руки в пазухи да опять за то же.

– Ой ты, заспанная рожа, нехорошая тресся¹³, поганое рыло! Прясть ты не умеешь, а перебирать и вовсе не смыслишь.

– Ох, ты, хвастунья! А ты что знаешь? Только по беседкам ходить да облизываться. Посмотрим, кого скорее возьмет!

Так девицы растабаривали и не в шутку озябли; вдруг они в один голос сказали:

– Что долго нейдет? Вишь ты, посинела!

Вот вдалеке Морозко начал потрескивать и с елки на елку поскокаживать да пощелкивать. Девицам послышалось, что кто-то едет.

– Чу, Параха, уж едет, да и с колокольцом.

– Я не слышу, меня мороз обдирает.

– А еще замуж нарохтишься!¹⁴

И начали пальцы отдувать. Морозко все ближе да ближе; наконец очутился на сосне, над девицами. Он девицам говорит:

– Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные? Тепло ли, мои голубушки?

– Ой, Морозко, больно студено! Мы замерзли, ждем суженого, а он, окаянный, сгинул.

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать и чаще пощелкивать.

– Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?

– Поди ты к черту! Разве слеп, вишь, у нас руки и ноги отмерзли.

Морозко еще ниже спустился, сильно приударил и сказал:

– Тепло ли вам, девицы?

– Убирайся ко всем чертям в омут, сгинь, окаянный! – и девушки окостенели.

Наутро старуха мужу говорит:

– Запряги-ка ты, старик, пошевенки; положи охабочку сенца да возьми шубное опахало¹⁵.

Чай, девки-то приозябли; на дворе-то страшный мороз! Да смотри, воровей¹⁶, старый хрыч!

Старик не успел и перекусить, как был уж на дворе и на дороге. Приезжает за дочками и находит их мертвыми. Он в пошевенки деток свалил, опахалом закутал и рогожкой закрыл. Старуха, увидев старика издалека, навстречу выбегала и так его вопрошала:

– Что детки?

– В пошевнях.

Старуха рогожку отвернула, опахало сняла и деток мертвыми нашла.

Тут старуха как гроза разразилась и старика разбранила:

– Что ты наделал, старый пес? Уходил ты моих дочек, моих кровных деточек, моих ненаглядных семечек, моих красных ягодок! Я тебя ухватом прибую, кочергой зашибу!

– Полно, старая дрянь! Вишь, ты на богатство польстилась, а детки твои упрямицы! Коли я виноват? Ты сама захотела.

Старуха посердилась, побранилась, да после с падчерицею помирилась, и стали они жить да быть да добра наживать, а лиха не поминать. Присватался сосед, свадебку сыграли, и Марфуша счастливо живет. Старик внучат Морозком страшал и упрямитесь не давал. Я на свадьбе был, мед-пиво пил, по усу текло, да в рот не попало.

¹² Насмехаться.

¹³ Ругательное слово, прилагаемое людям сварливым и вздорным: *трясся* — лихорадка.

¹⁴ Собираешься, хочешь.

¹⁵ Покрывало, одеяло

¹⁶ Проворнее, скорее.

Морозко – главный герой одноименной сказки. Он умеет карать и миловать, является главным божеством зимы. Он укрывает землю снегом, наряжает деревья серебряным инеем. Морозко ценит и уважает честных людей, не сторонящихся от тяжелой работы. Трудолюбивых людей и зверей он одаривает подарками, ленивых – наказывает.

Мороз и Заяц

Русская сказка

Повстречались как-то в лесу Мороз и Заяц.

Мороз расхвастался:

– Я самый сильный в лесу. Любого одолею, заморожу, в сосульку превращу.

– Не хвастай, Мороз, не одолеешь! – говорит Заяц.

– Нет, одолею!

– Нет, не одолеешь! – стоит на своем Заяц.

Спорили они, спорили, и надумал Мороз заморозить зайца. И говорит:

– Давай, Заяц, об заклад биться, что я тебя одолею.

– Давай, – согласился Заяц.

Принялся тут Мороз зайца морозить. Стужу-холод напустил, ледяным ветром закружил. А Заяц во всю прыть бегать да скакать взялся. На бегу-то не холодно. А то катается по снегу да приговаривает:

– Заяц тепло! Заяц жарко! Греет, горит – Солнышко ярко!

Уставать стал Мороз, думает: «До чего ж крепкий Заяц!» А сам еще сильнее лютует, такого холода напустил, что кора на деревьях лопается, пни трещат. А Заяц все нипочем – то на гору бегом, то с горы кувырком, то чертогоном по лугу носится.

Совсем из сил Мороз выбился, а Заяц и не думает замерзнуть.

Отступился Мороз от Зайца:

– Разве тебя, косой, заморозишь – ловок да прыток ты больно!

Подарил Мороз Заяц белую шубку. С той поры все зайцы зимой ходят в белых шубках.

Битый небитого несёт Русская сказка в пересказе Михаила Михайлова

Сговорила Лиса-Патрикеевна с кумом волком по-дружески жить, что добудут – пополам делить. Стянет волк, где барашка или теленочка, выбежит на горку:

– Кума, иди!

Лиса в русских народных сказках стала олицетворением злого ума. Она красива, обольстительна, красноречива, может легко притвориться беззащитной ради своей выгоды. Она способна ради поживына обман, мошенничество, коварство. В сказках Лиса чаще всего – отрицательный персонаж, пытающийся обхитрить положительного героя, но сама из-за своей подлости становится жертвой.

И кума перед ним словно из земли вырастет.

– Уж, какой ты, кум, ловкий да какой ты, кум, сильный, и добрее-то тебя зверя на свете не сыщется, – начнет Лиса-Патрикеевна выхвалять волка. – Уж, кабы мне твою силу, да ловкость, да смелость – я бы тебя, куманек ты мой милый, за одну зиму жирнее свиньи откормила. А то, что я теперь? Дело мое женское, слабое, птица нынче стала такая все бойкая, непокорная, даже куры уж против меня огрызаться начали, а с гусем или с индейским петухом лучше и не связывайся; заклюют, зашиплют, да еще и на смех поднимут. Уж подлинно сказать, не будь тебя, куманек: давно бы с голоду околела! Мне, признаться, и совестно уж становится все твою хлеб-соль есть, а самой ни разу тебя не подвивать. Да уж нечего делать, попрошу до весны, до цыплят, подождать.

Так увещала Лиса-Патрикеевна кума волка, когда тот приглашал ее покушать своей добычи, сама же ни чем не делилась. А слухи носились, что не было ночи, когда бы лиса не очистила чьего-нибудь курятника.

Хитростью сказочную Лису наделили неспроста. Многие охотники рассказывали о проделках рыжей плутовки, как она прикидывается мертвой, чтобы поймать дичь. В роли пленницы она ведет себя смиренно, чтобы ослабить бдительность охотника и сбежать.

Дошли эти слухи и до кума. Тот начал лису подозревать в лукавстве, присматривать за ней, и почаще к ней в нору понаведываться.

Раз как-то мужичок из деревни выехал на речку половить рыбки. Удача была хорошая: что не закинет блесенку, то или окунь золотой полосатенький, или лещик пузатый, или щучка зубастенькая. Как эта рыбка прыгала на льду, замерзая кочерилась; как мужичок поклат рыбку в сани; как он поехал путем дорогой восвояси – всё это видела Лиса-Патрикеевна из лесу, сидючи на высоком дереве.

Больно захотелось лисоньке этой рыбки покушать. Переметнула она в уме, соскочила с дерева, забежала впереди мужичка и растянулась поперек дороги, прикинувшись мертвой.

Мужичок едет себе потихоньку, лошадку понукает, да кнутиком помахивает. Вдруг видит – посреди дороги лисица лежит. Остановил он лошадку, поднял лису, потрепал, погладил – шерсть пушистая, а лиса мертвая.

«Вот, думает, находка-то нечаянная! Шкурку сдеру – на базаре продам, а на деньги жене сарафан сошью, да ребятишкам пряников накуплю».

Положил мужичок лису в сани, вместе с рыбой, да рогожей покрыл, а сам не сел на воз, а подле лошадки пошел. Идет – песни попевает на радостях, кнутиком по снегу похлестывает, да смекает, как бы подороже лисью шкурку продать, да кроме сарафана и пряников, себе шапку купить.

Несмотря на свою роль отрицательного сказочного героя, Лису величают ласково «кумушка» и «сестрица». Ей даже дали имя Патрикеевна – в честь наместника Новгорода князя Патрикеева Наримановича. Он прославился в народе, как хитрый и недобросовестный управитель.

А лиса, как заметила, что мужичок не смотрит за ней – и давай в сани дырку прогрызать. Прогрызла дыру преобольшую: рыбку вытаскала – сама выскочила; мужичок едет в город – а лиса рыбку в нору таскает. Только что успела она перетаскать рыбку, сесть под окошечко, да у лещика головку отъесть – смотрит, кум к ней в гости идет.

– Здравствуй кумушка! Вот как ты нонича поживаешь: рыбку покушиваешь, а меня не поподчуешь.

– Ах, куманек ты мой милый! – затараторила Лиса-Патрикеевна. – Только что с ловли пришла, о первом о тебе вспомнила, хотела было пойти попросить тебя в гости, да замаялась больно, села вот отдохнуть, червячка заморить. Отведу, мол, душу маленько, да сейчас и за тобой сбегаю. Присядь, куманек, да покушай хоть щучки, да смотри осторожнее, а то косточкой подавишься.

Кум сел, начал есть, ест, да спрашивает:

– Где это, кума, удалось тебе таким кушаньем поживиться?

– На речку ходила, сама наловила. Хочешь тебя научу?

Волк согласился, и они, дождавшись ночи, отправились на охоту. Лиса привела волка к прорубке, посадила его на самый край, а хвост в воду опустить велела.

– Ты вот так посиди, куманек, подольше, так видимо-невидимо к тебе на хвост всякой рыбы намерзнет.

Волк сидит, а Лиса-Патрикеевна ходит вокруг прорубки да приговаривает:

«Ясни, ясни на небе,

Мерзни, мерзни волчий хвост».

– Ты что там, кума, приговариваешь? – спросил волк.

– Я говорю:

«Ясни, ясни на небе.

Липни рыбка к волчью хвосту».

Волк соскучился сидеть, захотел привстать, а хвост-то примерз, не пускает.

– Что-то уж очень тяжело, кума, – сказал он. – Не пора ли вытаскивать? Чай, уж много налипло рыбы-то.

– Нет, куманек, еще рано. Посиди еще немножко – пусть уж сразу побольше налипнет, – ответит Лиса-Патрикеевна, и сама опять начнет ходить да приговаривать: «Ясни, ясни на небе, мерзни, мерзни волчий хвост!»

И досидел кум – когда уж светать начало. Бабы из деревни пришли за водой к прорубке, увидели волка и давай его коромыслами бить. Волк вертелся, вертелся, никак не мог вытащить хвоста из прорубки: примерз очень. Рванулся посильнее да и оторвал его, да так без хвоста и ушел.

Подбегает волк к лесу, видит: лиса по снегу валяется, стонет да охает.

– Что ты, кума?

– Ох, куманек ты мой милый! Натерпелась я за тебя страху-то; с полчаса в обмороке пролежала. Что, думаю, наделала я, несчастная? Ну, как да они убьют его, голубчика. Что я тогда буду делать одна?

Волк поверил, что кума от чистого сердца так убивается, сжалился над нею, положил на спину и понес на себе. Несет он лису, а она лежит да приговаривает:

«Битый небитого несет;

Битый небитого несет».

– Что ты там, кума, говоришь? – спросил волк.

– Ох, уж я и сама не знаю, что брежу. Голова так кругом и ходить, и в глазах туманится.

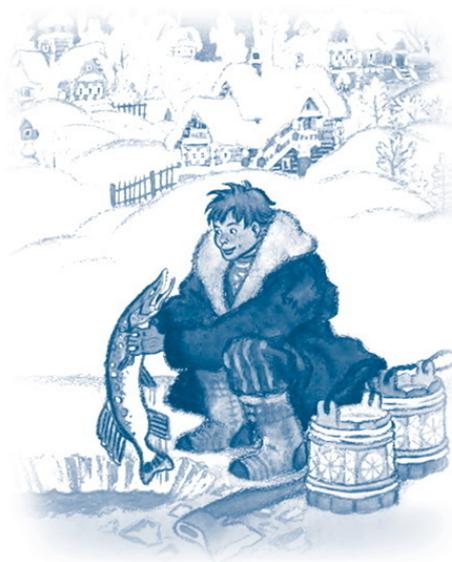
Так и донес волк лису до норы, положил на постель, а сам побежал к знакомому шубнику просить, чтобы хвост новый пришел: совестно было без хвоста-то ходить по лесу, смеяться все будут.

По щучьему веленью Русская сказка в пересказе Александра Афанасьева

Жил-был бедный мужичок; сколько он ни трудился, сколько ни работал – все нет ничего! «Эх, – думает сам с собой, – доля моя горькая! Все дни за хозяйством убиваюсь, а того и смотри – придется с голоду помирать; а вот сосед мой всю свою жизнь на боку лежит, и что же? Хозяйство большое, барыши сами в карман плывут. Видно, я Богу не угодил; стану я с утра до вечера молиться, авось, Господь и смилуется».

Начал он Богу молиться; по целым дням голодает, а все молится. Наступил светлый праздник, ударили к заутрене. Бедный думает:

«Все люди станут разгавливаться¹⁷, а у меня ни куска нету! Пойду хоть воды принесу – ужо вместо щей похлебаю».

Взял ведро, пошел к колодезю и только закинул в воду – вдруг попала ему в ведро большущая щука.

Обрадовался мужик:

«Вот и я с праздником! Наварю ухи и всласть пообедаю».

Говорит ему щука человеческим голосом:

– Отпусти меня, добрый человек, на волю; я тебя счастливым сделаю: чего душа твоя пожелает, все у тебя будет! Только скажи: по щучьему веленью, по божьему благословенью явись то-то и то-то – сейчас явится!

Убогий бросил щуку в колодезь, пришел в избу, сел за стол и говорит:

– По щучьему веленью, по божьему благословенью будь стол накрыт и обед готов!

Вдруг откуда что взялось – появились на столе всякие кушанья и напитки; хоть царя угощай, так не стыдно будет! Убогий перекрестился:

– Слава тебе, Господи! Есть чем разговестись.

¹⁷ *Разговестись* – по окончании православного поста поесть впервые скоромной пищи. Рождественский пост в дореволюционной России заканчивался 25 декабря (ныне 7 января) – в день Рождества Христова.

Пошел в церковь, отстоял заутреню и обедню, воротился и стал разгавливаться; закусил-выпил, вышел за ворота и сел на лавочку.

На ту пору вздумала царевна по улицам прогуляться, идет со своими няньками и мамками и ради праздничка Христова раздает бедным милостыню; всем подала, а про этого мужичка и позабыла.

Вот он и говорит про себя:

– По щучьему веленью, по божьему благословенью пусть царевна плод понесет и родит себе сына!

По тому слову царевна в ту ж минуту забрюхатела и через девять месяцев родила сына. Начал ее царь допрашивать. «Признавайся, – говорит, – с кем согрешила?» А царевна плачет и всячески клянется, что ни с кем не грешила: «И сама не ведаю, за что меня Господь покарал!»

Сколько царь ни допытывался, ничего не узнал.

Меж тем мальчик не по дням, а по часам растет; через неделю уж говорить стал. Царь созвал со всего царства бояр и думных людей, показывает их мальчику: не признает ли он кого за отца? Нет, мальчик молчит, никого отцом не обзывает. Приказал царь нянькам и мамкам нести его по всем дворам, по всем улицам и казать всякого чина людям и женатым и холостым.

Няньки и мамки понесли ребенка по всем дворам, по всем улицам; ходили, ходили, он все молчит. Подошли, наконец, к избушке бедного мужика; как только увидал мальчик того мужика, сейчас потянулся к нему ручонками и закричал: «Тятя, тятя!»

Доложили про то государю, привели во дворец убогого; царь стал его допрашивать:

– Признавайся по чистой совести – твой это ребенок?

– Нет, божий!

Царь разгневался, обвенчал убогого на царевне, а после венца приказал посадить их вместе с ребенком в большую бочку, засмолить смолою и пустить в открытое море.

Вот поплыла бочка по морю, понесли ее буйные ветры и прибили к далекому берегу. Слышит убогий, что вода под ними не колышется, и говорит таково слово:

– По щучьему веленью, по божьему благословенью распадись, бочка, на сухом месте!

Бочка развалилась; вылезли они на сухое место и пошли, куда глаза глядят. Шли-шли, шли-шли, есть-пить нечего, царевна совсем отощала, едва ноги переставляет.

– Что, – спрашивает убогий, – знаешь теперь, какова жажда и голод?

– Знаю! – отвечает царевна.

– Вот так-то и бедные мучатся. А ты не хотела мне на Христов день и милостыньки подать!

Потом говорит убогий:

– По щучьему веленью, по божьему благословенью стань здесь богатый дворец – чтоб лучше во всем свете не было, и с садами, и с прудами, и со всякими пристройками!

Только вымолвил – явился богатый дворец; выбегают из дворца слуги верные, берут их под руки, ведут в палаты белокаменные и сажают за столы дубовые, за скатерти бранные. Чудно в палатах убрано, изукрашено; на столах всего наготовлено: и вина, и сласти, и кушанья. Убогий и царевна напильсь, наелись, отдохнули и пошли в сад гулять.

– Всем бы здесь хорошо, – говорит царевна, – только жаль, что нет никакой птицы на наших прудах.

– Подожди, будет и птица! – отвечал убогий и тотчас вымолвил: – По щучьему веленью, по божьему благословенью пусть плавают на этом пруде двенадцать уток, тринадцатый селезень – у всех бы у них одно перо было золотое, другое серебряное; да был бы у селезня чуб на головке бриллиантовый!

Глядь, плывут по воде двенадцать уток и селезень – одно перо золотое, другое серебряное; на головке у селезня чуб бриллиантовый.

Вот так-то живет царевна со своим мужем без горя, без печали, а сын ее растет да растет; вырос большой, почувял в себе силу великую и стал у отца, у матери проситься поехать по белу свету да поискать себе невесты.

Они его отпустили: «Ступай, сынок, с Богом!» Он оседлал богатырского коня, сел и поехал в путь-дорогу. Попадаетея ему навстречу старая старуха:

– Здравствуй, русский царевич! Куда ехать изволишь?

– Еду, бабушка, невесты искать, а где искать – и сам не ведаю.

– Постой, я тебе скажу, дитяtko! Поезжай ты за море в тридешатое королевство; там есть королевна – такая красавица, что весь свет изъездишь, а лучше ее нигде не сыщешь!

Добрый молодец поблагодарил старуху, приехал к пристани, нанял корабль и поплыл в тридешатое королевство.

Долго ли, коротко ли плыл он по морю, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается – приезжает в то королевство, явился к тамошнему королю и стал за его дочь свататься.

Говорит ему король:

– Не ты один за мою дочь сватаешься; есть у нас еще жених – сильно могучий богатырь; коли ему отказать, он все мое государство разорит.

– А мне откажешь – я разорю!

– Что ты! Лучше померяйся с ним силою: кто из вас победит, за того и дочь отдам.

– Ладно! Созывай всех царей и царевичей, королев и королевичей на честной бой поглядеть, на свадьбе погулять.

Тотчас посланы были гонцы в разные стороны, и года не прошло, как собрались со всех окрестных земель цари и царевичи, короли и королевичи; приехал и тот царь, что свою родную дочь в бочку засмолил да в море пустил.

В назначенный день вышли богатыри на смертный бой; бились, бились, от их ударов земля стонала, леса приклонялись, реки волновались; сын царевны осилил своего супротивника – снес его буйную голову.

Подбежали тут королевские бояре, взяли доброго молодца под руки и повели во дворец. На другой день обвенчался он с королевною, а как отпировали свадьбу, стал звать всех царей и царевичей, королев и королевичей в гости к своему отцу, к матери. Поднялись все разом, снарядили корабли и поплыли по морю.

Царевна со своим мужем встретили гостей с честью, и начались опять пиры да веселье. Цари и царевичи, короли и королевичи смотрят на дворец, на сады и дивуются: такого богатства нигде не видано, а больше всего показались им утки и селезень – за одну утку можно полцарства дать! Отпировали гости и вздумали домой ехать. Не успели они до пристани добраться, как бегут за ними скорые гонцы:

– Наш-де хозяин просит вас назад воротиться, хочет с вами тайный совет держать.

Цари и царевичи, короли и королевичи воротились назад. Выступил к ним хозяин и стал говорить:

– Разве этак добрые люди делают? Ведь у меня утка пропала! Окромя вас, некому взять!

– Что ты взводишь напраслину? – отвечают ему цари и царевичи, короли и королевичи. – Это дело непригожее! Сейчас обыщи всех! Если найдешь у кого утку, делай с ним, что сам знаешь. А если не сыщешь, твоя голова долой!

– Хорошо, я согласен! – сказал хозяин, пошел по ряду и стал их обыскивать. Как скоро дошла очередь до царевнина отца, он потихоньку и вымолвил: «По щучьему велению, по божьему благословению пусть у этого царя под полой кафтана будет утка привязана!» Взял, приподнял ему кафтан, а под полой, как есть, – привязана утка, одно перо золотое, другое серебряное.

Тут все прочие цари и царевичи, короли и королевичи громко засмеялись:

– Ха-ха-ха! Вот каково! Уж цари воровать начали!

Царевнин отец всеми святыми клянется, что воровать у него и на мыслях не было; а как к нему утка попала – того и сам не ведает.

– Рассказывай! У тебя нашли, стало быть, ты один и виноват...

Тут вышла царевна, бросилась к отцу и призналась, что она та самая его дочь, которую выдал он за убогого замуж и посадил в смоляную бочку:

– Батюшка! Ты не верил тогда моим словам, а вот теперь на себе спознал, что можно быть без вины виноватым.

Рассказала ему, как и что было, и после того стали они все вместе жить-поживать, добра наживать, а лиха избывать.

«По щучьему веленью» – распространенный сюжет народной сказки у восточных славян. Три варианта сказки опубликовано в сборнике «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева. Русских вариантов сказки – 22, украинских – 11, белорусских – 6. Первая русская публикация этого сюжета о волшебной Щуке и рыбаке была предпринята в 1787 году в сборнике П. Тимофеева под названием «Сказка о Емеле-дурачке». Она также выходила в свет в обработке известных русских писателей: «Емеля-дурачок» Владимира Даля, «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее» Ивана Бунина, «По щучьему веленью» Алексея Толстого. Неоднократно по сказке снимались мультфильмы и художественные фильмы, ставились театральные спектакли.

Заяц-хвастун Русская сказка

Жил-был заяц в лесу: летом ему было хорошо, а зимой плохо – приходилось к крестьянам на гумно ходить, овес воровать.

Приходит он к одному крестьянину на гумно, а тут уж стадо зайцев. Вот он и начал им хвастать:

– У меня не усы, а усищи, не лапы – лапищи, не зубы, а зубищи. Я никого не боюсь.

Зайцы и рассказали тетке вороне про этого хвастуна. Тетка ворона пошла хвастуна разыскивать, и нашла его. Заяц испугался:

– Тетка ворона, я больше не буду хвастать!

– А как ты хвастал?

– А у меня не усы, а усищи, не лапы – лапищи, не зубы, а зубищи.

Вот она его маленько и потрепала:

– Более не хвастай!

Раз сидела ворона на заборе, собаки ее подхватили и давай мять, а заяц это увидел.

«Как бы вороне помочь?»

Выскочил на горочку и сел. Собаки увидали зайца, бросили ворону – да за ним, а ворона опять на забор. А заяц от собак ушел.

Немного погодя ворона опять встретила этого зайца и говорит ему:

– Вот ты молодец, не хвастун, а храбрец!

Двенадцать месяцев Словацкая сказка

Было у матери две дочки: одна – родная, другая – падчерица. Родную она очень любила, а падчерицу терпеть не могла, и все из-за того, что Марушка красивей Олены была. Но Марушка не знала о своей красоте, у нее и мысли такой быть не могло. Мачеха как только на нее взглянет, так и нахмурится. И она думала, что, наверно, чем-нибудь мачехе не угодила. Пока Олена то наряжалась да прихорашивалась, то по горнице расхаживала или на дворе прохлаждалась, то на улице разгуливала, Марушка в доме чистила, прибирала, варила, стирала, шила, пряла, ткала, траву для скота косила, коров доила – всю работу делала. А мачеха, знай, бранит ее да ругается целый день. И не смягчало ее то, что та все терпеливо сносила. Напротив, от этого она обращалась с бедной девушкой все хуже и хуже. А все из-за того, что Марушка с каждым днем становилась все красивей, а Олена – все безобразней. И подумала мачеха: «Какая мне радость держать красавицу падчерицу в доме? Будут приходить парни в гости, станут влюбляться в Марушку и не захотят любить Олену». Потолковала она с Оленой, и надумали они такое, что никому другому и в голову бы не пришло.

Однажды – было это вскоре после Нового года, в трескучий мороз, – захотелось Олене фиалок понюхать. Она и говорит:

– Ступай, Марушка, в лес, набери мне букет фиалок. Хочу его к поясу приколоть: очень мне хочется фиалочек понюхать.

– Боже мой! Милая сестрица, что это тебе в голову пришло? Слыханное ли дело, чтобы под снегом фиалки росли? – ответила бедная Марушка.

– Ах ты, гадкая грязнуха! Как ты смеешь разговаривать, когда я тебе приказываю?! – закричала на нее Олена. – Ступай сейчас же вон! И коли не принесешь мне фиалок, я тебя убью!

И мачеха выгнала Марушку из дому, дверь за ней захлопнула да на ключ заперла.

Заливаясь слезами, пошла девушка в лес. Снегу там целые сугробы, и нигде ни следа ноги человеческой. Долго бродила Марушка по лесу. Голод ее мучил, мороз до костей пробирал. Вдруг видит вдали огонек. Пошла она на тот огонек и пришла на вершину горы. Там горел большой костер, а вокруг костра лежало двенадцать камней, и на тех камнях сидели двенадцать человек: трое из них с белыми седыми бородами, трое помоложе, трое еще моложе и трое совсем молодых. Сидят тихо, молча, неподвижно глядя на огонь. Это были двенадцать месяцев. Январь сидел на самом высоком камне. Волосы и борода у него были белые как снег, а в руке он держал палку. Испугалась Марушка, совсем от страха помертвела. Но потом набралась храбрости, подошла поближе и попросила:

– Люди добрые, позвольте мне погреться, я дрожу от холода.

Январь кивнул головой и спрашивает ее:

– Зачем пришла, девица? Чего здесь ищешь?

– Я пришла за фиалками, – ответила Марушка.

– Не время теперь фиалки рвать, кругом снег... – возразил Январь.

– Знаю, – сказала Марушка, – да сестра моя Олена с мачехой велели принести им из лесу фиалок. А коли не принесу, они меня убьют. Прошу вас покорно, дяденьки, скажите, где бы мне фиалок нарвать?

Тут сошел со своего места Январь, подошел к самому младшему месяцу, дал ему в руку палку и сказал:

– Братец Март, садись теперь ты наверх, на мое место.

Месяц Март взобрался наверх, на самый высокий камень, и взмахнул палкой над огнем. Огонь взвился вверх столбом, снег начал таять, деревья покрылись почками, под молодыми

буками зазеленела трава, и в траве закачались бутоны цветов. Наступила весна. Среди кустарников, укрывшись под листьями, зацвели фиалки. И увидела Марушка, что вся земля словно голубым платком покрыта.

– Рви скорей, Марушка, рви скорей! – стал торопить ее молодой Март.

Марушка обрадовалась, стала рвать фиалки и скоро нарвала большой букет. Потом сказала месяцам спасибо и поспешила домой.

Удивилась Олена, удивилась и мачеха, когда увидели, что она спешит домой с фиалками. Отворили они ей дверь, и весь дом наполнился запахом фиалок.

– Где же это ты их нарвала? – сердито спросила Олена.

– Они растут высоко на горе, под кустами. Их там видимо-невидимо, – спокойно ответила Марушка.

Олена вырвала букет у нее из рук, прицепила его себе к поясу, стала нюхать сама и матери давала нюхать, но сестре не сказала: «Понюхай».

На другой день сидела Олена у печки, и захотелось ей ягод.

– Ступай, Марушка, принеси мне ягод из лесу.

– Боже мой! Милая сестрица, что это пришло тебе в голову? Слыханное ли дело, чтобы под снегом ягоды росли?

– Ах ты, гадкая грязнуха! Как ты смеешь разговаривать, когда я тебе приказываю?! Ступай сейчас же, и коли ты мне ягод не принесешь, я тебя убью! – пригрозила Олена.

Мачеха выгнала Марушку вон, дверь за ней захлопнула и на ключ заперла. Заливаясь слезами, пошла девушка в лес. А там сугробы снега стеной стоят, и нигде ни следа человеческого. Долго бродила Марушка по лесу. Голод ее мучил, мороз до костей пробирал. Вдруг видит вдали тот же огонек. И опять она, идя на огонек, пришла к костру. Вокруг него опять сидели двенадцать месяцев, и выше всех – Январь, белый и бородатый, с палкой в руке.

– Люди добрые, позвольте мне погреться, я совсем замерзла, – попросила Марушка.

Январь кивнул головой и спрашивает ее:

– Зачем опять пришла, девица? Чего здесь ищешь?

– Пришла по ягоды, – ответила девушка.

– Да ведь теперь зима, на снегу ягоды не растут, – промолвил Январь.

– Знаю, – печально ответила Марушка. – Да сестра Олена с мачехой велели ягод им набрать. А коли не наберу, они меня убьют. Прошу вас покорно, дяденьки, скажите, где бы набрать ягод?

Тут сошел со своего места Январь, подошел к тому месяцу, который сидел напротив него, и сказал:

– Братец Июнь, садись ты теперь на мое место.

Июнь взобрался на самый высокий камень и взмахнул палкой над огнем. Огонь взвился в три раза выше, снег в несколько мгновений растаял, деревья покрылись листьями, кругом защебетали птицы, всюду зацвели цветы. Наступило лето. Под кустами стало белым-бело, словно там насыпали белых звездочек, и белые звездочки эти на глазах стали превращаться в ягоды, которые зрели и становились красными.

– Собирай скорей, Марушка, собирай скорей! – стал торопить ее ласковый Июнь. Марушка обрадовалась и быстро набрала ягод полный передник. Потом сказала месяцам спасибо и поспешила домой.

Удивилась Олена, удивилась и мачеха, когда увидели, что Марушка спешит домой, и ягод у нее полный передник. Отворили ей дверь, и весь дом наполнился запахом ягод.

– Где же это ты их набрала? – сердито спросила Олена.

– Они растут высоко на горе, их там видимо-невидимо, – спокойно ответила Марушка.

Олена взяла у нее ягоды и наелась досыта; наелась и мачеха. Но Марушке они не сказали: «Возьми себе ягодку».

Полакомилась Олена, а на третий день захотелось ей уж яблока отведать.

– Ступай, Марушка, в лес, принеси мне яблок румяных, – приказала она.

– Боже мой! Милая сестрица, что это пришло тебе в голову? Слыханное ли дело, чтобы зимой яблоки зрели?

– Ах ты, гадкая грязнуха! Как ты смеешь разговаривать, когда я тебе приказываю?! Ступай сейчас же в лес, и, коли мне румяных яблок не принесешь, убью! – пригрозила Олена.

Мачеха выгнала Марушку из дому, захлопнула за ней дверь и на ключ заперла. Заливаясь слезами, пошла девушка в лес. Сугробы снега там стеной стоят, и нигде ни следа ноги человеческой. Долго бродила Марушка по лесу. Голод ее мучил, мороз до костей пробирал. Вдруг видит – вдали опять тот же огонек. Пошла Марушка на него и пришла к костру. Двенадцать человек – двенадцать месяцев – сидели вокруг словно прикованные, и выше всех Январь, белый и бородатый, с палкой в руке.

– Люди добрые, позвольте мне погреться. Мороз меня совсем донял, – попросила Марушка.

Январь кивнул головой и спросил:

– Зачем опять пришла, девица?

– Пришла за яблоками румяными, – ответила девушка.

– Теперь зима. Разве зимой зреют румяные яблоки? – говорит Январь.

– Знаю, – печально ответила Марушка. – Но Олена и мачеха пригрозили, что, коли я не принесу им румяных яблок из лесу, они меня убьют. Очень прошу вас, дяденьки, помогите мне еще раз.

Сошел со своего места Январь, подошел к одному из старших месяцев, дал ему палку в руку и сказал:

– Братец Сентябрь, садись на мое место.

Сентябрь взобрался на самый высокий камень и взмахнул палкой. Огонь взметнулся вверх, снег растаял. Но листья на деревьях не распустились, а пожелтые, понемногу стали падать на землю. Наступила осень. Не увидела Марушка ярких цветов, да она и не искала их. Она смотрела теперь только на деревья. И вдруг увидела яблоню, а на ней высоко-высоко на концах ветвей висят румяные яблоки.

– Тряси, Марушка, тряси скорей! – сказал Сентябрь.

Марушка потрянула яблоню, и с нее упало яблоко; потрянула другой раз – упало другое.

– Бери, Марушка, бери скорей и беги домой! – крикнул Сентябрь.

Схватила она два яблока, сказала месяцам спасибо и поспешила домой.

Удивилась Олена, удивилась и мачеха, когда Марушка вернулась. Отворили они ей, и она подала им два яблока.

– Где же это ты их сорвала? – спросила Олена.

– Они растут высоко на горе. Там еще много, – ответила Марушка.

Только она сказала, что их много, как Олена накинулась на нее:

– Ах ты, гадкая грязнуха! Почему же ты больше не принесла?! Верно, сама по дороге съела?

– Милая сестрица, не ела я ни кусочка. Когда я первый раз дерево потрянула, одно яблоко упало. Второй раз потрянула – упало второе. А больше трясти мне не дали. Крикнули, чтоб я домой шла, – сказала Марушка.

– А, чтоб тебя нелегкая взяла! – забранилась Олена и кинулась бить ее.

Мачеха не захотела отставать и схватила дубинку. Но Марушка не далась им в руки, убежала на кухню и спряталась где-то за печью. Лакомка Олена перестала браниться и набросилась на яблоко. Другое дала матери. Таких сладких яблок они ни разу в жизни не едали. В первый раз отведали.

– Мама, дай мне сумку, я сама в лес пойду. Эта дрянь непременно все съест по дороге. А я найду то место, и все яблоки стрясу, хоть сам черт на меня напустись!

Так кричала Олена, и мать напрасно ее отговаривала. Повесила Олена сумку на плечо, набросила платок на голову, закуталась хорошенько и пошла в лес. Мать только руки ломала в отчаянии оттого, что ее дочка задумала. Пришла Олена в лес. Сугробы снега там стеной стоят, и нигде ни следа ноги человеческой. Бродила Олена, бродила, потому что охота яблочков поесть гнала ее все дальше и дальше, – ну, просто мученье! Вдруг увидела она вдали огонек, пошла на него и пришла к костру, вокруг которого сидели двенадцать человек – двенадцать месяцев. Но она не поклонилась им, не попросила пустить ее к костру, а просто протянула руки и стала греться, будто огонь для нее и разведен.

– Зачем пришла? Чего тебе надо? – рассердился Январь.

– Что ты меня спрашиваешь, старый дурак? Не твое дело, куда хожу, зачем хожу! – отрезала Олена и пошла на гору, словно яблоки там только ее и ждали.

Январь нахмурился и взмахнул палкой у себя над головой. В одно мгновение небо покрылось тучами, костер погас, повалил снег, подул холодный ветер. Олена ничего не видела на шаг перед собой и все больше и больше тонула в глубоких сугробах. Руки и ноги у нее замерзли, колени подломились, и, наконец, она упала в изнеможении...

Ждет мать Олену, глядит в окошко, выходит посмотреть за дверь. Проходит час, другой, а Олены все нет и нет.

«Что она, от яблок не может никак оторваться, что ли? Пойду сама погляжу», – решила мать, взяла сумку, закуталась шалью и пошла дочку искать.

Снег валит все гуще, ветер дует все сильнее, сугробы стоят как стены. Шагает она по сугробам, зовет дочь – ни одна душа не отзывается. Заблудилась, сама не знает, куда забрела, ругает Олену. Руки и ноги у нее замерзли, колени подломились, упала и она... А Марушка дома приготовила обед, прибрала в избе и подоила корову. Ни Олены, ни матери все нету.

– Что же это они так долго? – беспокоится Марушка, садясь вечером за прялку. Сидит она за прялкой до поздней ночи, а о них ни слуху ни духу.

– Ах, боже мой! Что с ними приключилось? – волнуется добрая девушка и с тоской смотрит в окошко. Там ни единой души – только после утихшей вьюги сияют звезды, земля искрится от снега, да крыши трещат от мороза. Печально опустила Марушка занавеску. С утра опять стала ждать их и к завтраку, и к обеду, но так и не дождалась ни Олены, ни матери: обе замерзли в лесу. После них остались Марушке домик, коровка, садик, поле и лужок возле дома. А пришла весна, нашелся и хозяин всему этому богатству – красивый парень, который женился на доброй Марушке, и они славно зажили в любви и мире. Мир да любовь всего дороже!

Старый Мороз и молодой Морозец Литовская сказка

Жил старый Мороз, и был у него сынок – молодой Морозец. И такой хвастун был этот сынок, что и захочешь рассказать, да не расскажешь! Послушать его – так умнее и сильнее его на всем свете никого нет.

Вот раз и думает этот сынок, молодой Морозец: «Стар стал мой отец! Плохо свое дело делает. Я и молодой, и сильный – куда лучше могу людей морозить! От меня никто не спасется, со мной никто не справится: всех одолею!»

Пустился молодой Морозец в путь, принялся выискивать, кого бы это заморозить. Вылетел на дорогу и видит – едет в повозке на сытой лошадке пан. Сам пан толстый, шуба на пане меховая, теплая, ноги ковром укутаны. Осмотрел Морозец пана, засмеялся.

«Э, – думает, – кутайся не кутайся, все равно от меня не спасешься! Старик отец мой, может быть, и не пронял бы тебя, а я так пройму, что только держись! Ни шуба, ни ковер не помогут!»

Подлетел Морозец к пану и давай его донимать: и под ковер забирается, и в рукава влезает, и за воротник пробирается, и за нос щиплет. Приказал пан своему слуге погонять лошадь.

– Не то, – кричит, – замерзну я!

А Морозец еще пуще донимает, еще сильнее за нос щиплет, пальцы на ногах и руках леденит, дышать не дает. Пан и так, пан и сяк – и ежится, и жметя, и вертится на месте.

– Погоняй, – кричит, – погоняй скорее!

А потом и кричать перестал: голос потерял. Приехал пан в свою усадьбу, вынесли его из повозки чуть живого.

Полетел молодой Морозец к отцу, к старому Морозу. Стал перед ним хвастаться:

– Вон я какой! Вон я какой! Где тебе, отец, за мной угнаться! Смотри, какого пана я заморозил! Смотри, под какую теплую шубу я пробрался! Тебе под такую шубу ни за что не пробраться! Тебе такого пана ни за что не заморозить!

Усмехнулся старый Мороз и говорит:

– Хвастунишка ты! Подождал бы своей силой да удалю хвалиться. Верно: заморозил ты толстого пана, влез к нему под теплую шубу. Да большое ли это дело? Вон смотри – едет тощий мужик в дырявой шубенке на тощей лошаденке. Видишь ты его?

– Вижу.

– Едет этот мужик в лес дрова рубить. Попробуй-ка ты его заморозить. Если заморозишь – поверю тебе, что и в самом деле ты силен!

– Вот невидаль! – отвечает молодой Морозец. – Да я его в один миг заморожу! Взвился Морозец, полетел мужика догонять. Догнал, напал и давай его донимать: то с одного боку налетит, то с другого, а мужик едет себе да едет. Стал Морозец его за ноги хватать. А мужик соскочил с саней и побежал рядом с лошаденкой.

«Ну, – думает Морозец, – погоди! Уж я тебя в лесу заморожу!»

Приехал мужик в лес, достал топор и принялся елки да березы рубить – щепки во все стороны так и летят! А молодой Морозец покою ему не дает: и за руки, и за ноги хватает, и за ворот пробирается... И чем больше старается Морозец, тем сильнее мужик топором размахивает, тем сильнее дрова рубит. Разогрелся так, что даже рукавицы снял. Долго нападали Морозец на мужика, наконец устал. «Ладно, – думает, – все равно я тебя одолею! Попрошу тебя до костей, когда ты будешь домой возвращаться!»

Подбежал к саням, увидел рукавицы, да и забрался в них. Сидит и посмеивается: «Посмотрю-ка я, как это мужик свои рукавицы наденет: они так одеревенели, что в них и

пальцы просунуть нельзя!» Морозец в мужичьих рукавицах сидит, а мужик знай все рубит да рубит. До тех пор рубил, пока не наложил воз верхом.

– Теперь, – говорит, – можно и домой возвращаться!

Взял тут мужик свои рукавицы, хотел было их надеть, а они как железные.

«Ну, что будешь делать?» – посмеивается про себя молодой Морозец.

А мужик, как увидел, что рукавицы надеть нельзя, взял топор и принялся бить по ним. Мужик по рукавицам обухом: тук да тук, а Морозец в рукавицах: ох да ох! И так крепко мужик помял бока Морозцу, что тот чуть жив убрался.

Мужик домой едет, дрова везет, на свою лошаденку покрикивает. А молодой Морозец к отцу ковыляет, сам охает. Увидел его старый Мороз, стал посмеиваться:

– Что это ты, сынок, еле идешь?

– Уморился, пока мужика морозил.

– А что это, сынок, молодой Морозец, так жалобно охает?

– Да уж очень больно мужик бока намял!

– Это тебе, сынок, молодой Морозец, наукой будет: с панами-бездельниками немудрено справиться, а вот мужика никогда и никому не одолеть! Запомни это!

Сказки русских писателей

Антоний Погорельский

Черная курица, или Подземные жители

Лет сорок тому назад в С.-Петербурге, на Васильевском острове, в Первой линии, жил-был содержатель мужского пансиона, который еще и до сих пор, вероятно, у многих остался в свежей памяти, хотя дом, где пансион тот помещался, давно уже уступил место другому, несколько не похожему на прежний. В то время Петербург наш уже славился в целой Европе своею красотою, хотя и далеко еще не был таким, как теперь. Тогда на проспектах Васильевского острова не было веселых тенистых аллей: деревянные подмости, часто из гнилых досок сколоченные, заступали место нынешних прекрасных тротуаров. Исакиевский мост – узкий в то время и неровный – совсем иной представлял вид, нежели как теперь; да и самая площадь Исакиевская вовсе не такова была. Тогда монумент Петра Великого от Исакиевской церкви отделен был канавою; Адмиралтейство не было обсажено деревьями; манеж Конногвардейский не украшал площади прекрасным нынешним фасадом; одним словом, Петербург тогдашний не то был, что теперешний. Города перед людьми имеют, между прочим, то преимущество, что они иногда с летами становятся красивее... Впрочем, не о том теперь идет дело. В другой раз и при другом случае я, может быть, поговорю с вами пространнее о переменах, происшедших в Петербурге в течение моего века, – теперь же обратимся опять к пансиону, который, лет сорок тому назад, находился на Васильевском острове, в Первой линии.

Дом, которого теперь – как уже вам сказывал – вы не найдете, был о двух этажах, крытый голландскими черепицами. Крыльцо, по которому в него входили, было деревянное и выдавалось на улицу... Из сеней довольно крутая лестница вела в верхнее жилье, состоявшее из восьми или девяти комнат, в которых с одной стороны жил содержатель пансиона, а с другой были классы. Дортуары, или спальня детей, находились в нижнем этаже, по правую сторону сеней, а по левую жили две старушки, голландки, из которых каждой было более ста лет и которые собственными глазами видали Петра Великого и даже с ним говаривали. В нынешнее время вряд ли в целой России вы встретите человека, который бы видал Петра Великого: настанет время, когда и наши следы сотрутся с лица земного! Все проходит, все исчезает в брэнном мире нашем... Но не о том теперь идет дело!

В числе тридцати или сорока детей, обучавшихся в том пансионе, находился один мальчик, по имени Алеша, которому тогда было не более девяти или десяти лет. Родители его, жившие далеко-далеко от Петербурга, года за два перед тем привезли его в столицу, отдали в пансион и возвратились домой, заплатив учителю условленную плату за несколько лет вперед. Алеша был мальчик умненькой, миленькой, учился хорошо, и все его любили и ласкали; однако, несмотря на то, ему часто скучно бывало в пансионе, а иногда даже и грустно. Особливо сначала он никак не мог приучиться к мысли, что он разлучен с родными своими. Но потом мало-помалу он стал привыкать к своему положению, и бывали даже минуты, когда, играя с товарищами, он думал, что в пансионе гораздо веселее, нежели в родительском доме. Вообще дни учения для него проходили скоро и приятно; но когда наставала суббота, и все товарищи его спешили домой к родным, тогда Алеша горько чувствовал свое одиночество. По воскресеньям и праздникам он весь день оставался один, и тогда единственным утешением его было чтение книг, которые учитель позволял ему брать из небольшой своей библиотеки. Учитель был родом немец, а в то время в немецкой литературе господствовала мода на рыцарские

романы и на волшебные повести, – и библиотека, которую пользовался наш Алеша, большую частью состояла из книг сего рода.

Итак, Алеша, будучи еще в десятилетнем возрасте, знал уже наизусть деяния славнейших рыцарей, по крайней мере, так, как они описаны были в романах. Любимое его занятие в длинные зимние вечера, по воскресеньям и другим праздничным дням было мысленно переноситься в старинные, давно прошедшие веки... Особливо в вакантное время – как, например, в Рождество или в Светлое Христово Воскресенье, когда он бывал разлучен надолго со своими товарищами, когда часто целые дни просиживал в уединении. Юное воображение его бродило по рыцарским замкам, по страшным развалинам или по темным дремучим лесам.

Я забыл сказать вам, что к дому этому принадлежал довольно просторный двор, отделенный от переулка деревянным забором из барочных досок. Ворота и калитка, кои вели в переулок, всегда были заперты, и потому Алеше никогда не удавалось побывать в этом переулке, который сильно возбуждал его любопытство. Всякий раз, когда позволяли ему в часы отдохновения играть на дворе, первое движение его было – подбегать к забору. Тут он становился на цыпочки и пристально смотрел в круглые дырочки, которыми усеян был забор. Алеша не знал, что дырочки эти происходили от деревянных гвоздей, коими прежде сколочены были барки, и ему казалось, что какая-нибудь добрая волшебница нарочно для него провертела эти дырочки. Он все ожидал, что когда-нибудь эта волшебница явится в переулке и сквозь дырочку подаст ему игрушку, или талисман, или письмецо от папеньки или маменьки, от которых не получал он давно уже никакого известия. Но, к крайнему его сожалению, не являлся никто даже похожий на волшебницу.

Другое занятие Алеша состояло в том, чтобы кормить курочек, которые жили около забора в нарочно для них выстроенном домике и целый день играли и бегали на дворе. Алеша очень коротко с ними познакомился, всех знал по имени, разнимал их драки, а забияк наказывал тем, что иногда несколько дней сряду не давал им ничего от крошек, которые всегда после обеда и ужина он собирал со скатерти. Между курами он особенно любил одну черную хохлатую, названную Чернушкой. Чернушка была к нему ласковее других; она даже иногда позволяла себя гладить, и потому Алеша лучшие кусочки приносил ей. Она была нрава тихого; редко прохаживалась с другими и, казалось, любила Алешу более, нежели подруг своих.

Однажды (это было во время вакаций между Новым годом и Крещеньем – день был прекрасный и необыкновенно теплый, не более трех или четырех градусов морозу) Алеше позволили поиграть на дворе. В тот день учитель и жена его в больших были хлопотах. Они давали обед директору училищ, и еще накануне с утра до позднего вечера везде в доме мыли полы, вытирали пыль и вошили красного дерева столы и комоды. Сам учитель ездил закупать провизию для стола: белую архангельскую телятину, огромный окорок и из Милютиных лавок киевское варенье. Алеша тоже, по мере сил, способствовал приготовлениям: его заставили из белой бумаги вырезать красивую сетку на окорок и украшать бумажною резьбою нарочно купленные шесть восковых свечей. В назначенный день рано поутру явился парикмахер и показал свое искусство над буклями, тупеем и длинной косой учителя. Потом принялся за супругу его, на помадил и напудрил у нее локоны и шиньон и взгромоздил на ее голове целую оранжерею разных цветов, между которыми блистали искусным образом помещенные два бриллиантовые перстня, когда-то подаренные мужу ее родителями учеников. По окончании головного убора накинула она на себя старый изношенный салоп и отправилась хлопотать по хозяйству, наблюдая притом строго, чтоб как-нибудь не испортилась прическа; и для того сама она не входила в кухню, а давала приказания свои кухарке, стоя в дверях. В необходимых же случаях посылала туда мужа своего, у которого прическа не так была высока.

В продолжение всех этих забот Алешу нашего совсем забыли, и он тем воспользовался, чтоб на просторе играть на дворе. По обыкновению своему, он подошел сначала к дощатому забору и долго смотрел в дырочку. Но и в этот день никто почти не проходил по переулку, и он

со вздохом обратился к любезным своим курочкам. Не успел он присесть на бревно и только что начал манить их к себе, как вдруг увидел подле себя кухарку с большим ножом. Алеше никогда не нравилась эта кухарка – сердитая и бранчивая чухонка. Но с тех пор, как он заметил, что она-то была причиною, что от времени до времени уменьшалось число его курочек, он еще менее стал ее любить. Когда же однажды нечаянно увидел он в кухне одного хорошенького, очень любимого им петушка, повешенного за ноги с перерезанным горлом, – то возымел он к ней ужас и отвращение. Увидев ее теперь с ножом, он тотчас догадался, что это значит, – и, чувствуя с горестью, что он не в силах помочь своим друзьям, вскочил и побежал далеко прочь.

– Алеша, Алеша! Помоги мне поймать курицу! – кричала кухарка.

Но Алеша принялся бежать еще пуще, спрятался у забора за курятником и сам не замечал, как слезки одна за другою выкатывались из его глаз и упали на землю.

Довольно долго стоял он у курятника, и сердце в нем сильно билось, между тем, как кухарка бегала по двору – то манила курочек: «Цып, цып, цып!», то бранила их по-чухонски.

Вдруг сердце у Алеши еще сильнее забилося... Ему послышался голос любимой его Чернушки!

Она кудахтала самым отчаянным образом, и ему показалось, что она кричит:

Кудах, кудах, кудуху,
Алеша, спаси Чернуху!
Кудуху, кудуху,
Чернуху, Чернуху!

Алеша никак не мог более оставаться на своем месте... Он, громко всхлипывая, побежал к кухарке и бросился к ней на шею в ту самую минуту, как она поймала уже Чернушку за крыло.

– Любезная, милая Тринушка! – вскричал он, обливаясь слезами. – Пожалуйста, не тронь мою Чернуху!

Алеша так неожиданно бросился на шею к кухарке, что она упустила из рук Чернушку, которая, воспользовавшись этим, от страха взлетела на кровлю сарая и там продолжала кудахтать. Но Алеше теперь слышалось, будто она дразнит кухарку и кричит:

Кудах, кудах, кудуху,
Не поймала ты Чернуху!
Кудуху, кудуху,
Чернуху, Чернуху!

Между тем кухарка вне себя была от досады!

– Руммаль пойс!¹⁸ – кричала она. – Вотга я паду кассаину и пошальюсь. Шорна курис нада режить... Он леннива... Он яишка не делать, он сыплатак не сижить.

Тут хотела она бежать к учителю, но Алеша не допустил ее. Он прицепился к полам ее платья и так умильно стал просить, что она остановилась.

– Душенька, Тринушка! – говорил он. – Ты такая хорошенькая, чистенькая, добренькая... Пожалуйста, оставь мою Чернушку! Вот посмотри, что я тебе подарю, если ты будешь добра!

Алеша вынул из кармана империал, составлявший все его имение, который берег он пуще глаза своего, потому что это был подарок доброй его бабушки... Кухарка взглянула на золотую монету, окинула взором окошки дома, чтоб удостовериться, что никто их не видит, – и протянула руку за империалом... Алеше очень, очень жаль было империала, но он вспомнил о Чернушке – и с твердостью отдал чухонке драгоценный подарок.

¹⁸ Глупый мальчик! (финск.)

Таким образом Чернушка спасена была от жестокой и неминуемой смерти.

Лишь только кухарка удалилась в дом, Чернушка слетела с кровли и подбежала к Алеше. Она как будто знала, что он ее избавитель: кружилась около него, хлопала крыльями и кудахтала веселым голосом. Все утро она ходила за ним по двору, как собачка, и казалось, будто хочет что-то сказать ему, да не может. По крайней мере, он никак не мог разобрать ее кудахтанья.

Часа за два перед обедом начали собираться гости. Алешу позвали вверх, надели на него рубашку с круглым воротником и батистовыми манжетами с мелкими складками, белые шаровары и широкий шелковый голубой кушак. Длинные русые волосы, висевшие у него почти до пояса, хорошенько расчесали, разделили на две ровные части и переложили наперед по обе стороны груди. Так наряжали тогда детей. Потом научили, каким образом он должен шаркнуть ногой, когда войдет в комнату директор, и что должен отвечать, если будут сделаны ему какие-нибудь вопросы. В другое время Алеша был бы очень рад приезду директора, коего давно хотелось ему видеть, потому что, судя по почтению, с каким отзывались о нем учитель и учительша, он воображал, что это должен быть какой-нибудь знаменитый рыцарь в блестящих латах и в шлеме с большими перьями. Но на тот раз любопытство это уступило место мысли, исключительно тогда его занимавшей, – о черной курице. Ему все представлялось, как кухарка за нею бегала с ножом, и как Чернушка кудахтала разными голосами. Притом ему очень досадно было, что не мог он разобрать, что она ему сказать хотела, – и его так и тянуло к курятнику... Но делать было нечего: надлежало дожидаться, пока кончится обед!

Наконец приехал директор. Приезд его возвестила учительша, давно уже сидевшая у окна, пристально смотря в ту сторону, откуда его ждали. Все пришло в движение: учитель стремглав бросился из дверей, чтоб встретить его внизу у крыльца; гости встали с мест своих, и даже Алеша на минуту забыл о своей курочке и подошел к окну, чтоб посмотреть, как рыцарь будет слезать с ретивого коня. Но ему не удалось увидеть его, ибо он успел уже войти в дом. У крыльца же вместо ретивого коня стояли обыкновенные извозчичьи сани. Алеша очень этому удивился! «Если бы я был рыцарь, – подумал он, – то никогда бы не ездил на извозчике – а всегда верхом!»

Между тем отворили настежь все двери, и учительша начала приседать в ожидании столь почтенного гостя, который вскоре потом показался. Сперва нельзя было видеть его за толстою учительшею, стоявшею в самых дверях; но когда она, окончив длинное приветствие свое, присела ниже обыкновенного, Алеша, к крайнему удивлению, из-за нее увидел... Не шлем пернатый, но просто маленькую лысую головку, набело распудренную, единственным украшением которой, как после заметил Алеша, был маленький пучок! Когда вошел он в гостиную, Алеша еще более удивился, увидев, что, несмотря на простой серый фрак, бывший на директоре вместо блестящих лат, все обращались с ним необыкновенно почтительно.

Сколь, однако ж, ни казалось все это странным Алеше, сколь в другое время он бы ни был обрадован необыкновенным убранством стола, на котором также парадировал и украшенный им окорок, – но в этот день он не обращал большого на то внимания. У него в головке все бродило утреннее происшествие с Чернушкой. Подали десерт: разного рода варенья, яблоки, бергамоты, финики, винные ягоды и грецкие орехи. Но и тут он ни на одно мгновение не переставал помышлять о своей курочке, и только что встали из-за стола, как он с трепещущим от страха и надежды сердцем подошел к учителю и спросил, можно ли идти поиграть на дворе.

– Пойдите, – отвечал учитель, – только недолго там будьте; уж скоро сделается темно.

Алеша поспешно надел свою красную бекешу на беличьем меху и зеленую бархатную шапочку с собольим околышком и побежал к забору. Когда он туда прибыл, курочки начали уже собираться на ночлег и, сонные, не очень обрадовались принесенным крошкам. Одна Чернушка, казалось, не чувствовала охоты ко сну: она весело к нему подбежала, захлопала крыльями и опять начала кудахтать. Алеша долго с нею играл; наконец, когда сделалось темно и

настала пора идти домой, он сам затворил курятник, удостоверившись наперед, что любезная его курочка уселась на шесте. Когда он выходил из курятника, ему показалось, что глаза у Чернушки светятся в темноте как звездочки, и что она тихонько ему говорит:

– Алеша, Алеша! Останься со мною!

Алеша возвратился в дом, и весь вечер просидел один в классных комнатах, между тем как на другой половине часу до одиннадцатого пробыли гости и на нескольких столах играли в вист. Прежде, нежели они разъехались, Алеша пошел в нижний этаж в спальню, разделся, лег в постель и потушил огонь. Долго не мог он заснуть; наконец сон его преодолел, и он только что успел во сне разговориться с Чернушкой, как, к сожалению, пробужден был шумом разъезжающихся гостей. Немного погодя, учитель, провожавший директора со свечкою, вошел к нему в комнату, посмотрел, все ли в порядке, и вышел вон, замкнув дверь ключом.

Ночь была месячная, и сквозь ставни, неплотно затворявшиеся, упал в комнату бледный луч луны. Алеша лежал с открытыми глазами и долго слушал, как в верхнем жилье над его головою ходили по комнатам и приводили в порядок стулья и столы. Наконец все утихло...

Он взглянул на стоявшую подле него кровать, немного освещенную месячным сиянием, и заметил, что белая простыня, висящая почти до полу, легко шевелилась. Он пристальнее стал всматриваться... Ему послышалось, как будто что-то под кроватью царапается, – и немного погодя показалось, что кто-то тихим голосом зовет его:

– Алеша, Алеша!

Алеша испугался!.. Он один был в комнате, и ему тотчас пришло на мысль, что под кроватью должен быть вор. Но потом, рассудив, что вор не называл бы его по имени, он несколько ободрился, хотя сердце в нем дрожало. Он немного приподнялся в постели и еще яснее увидел, что простыня шевелится... Еще внятнее услышал, что кто-то говорит:

– Алеша, Алеша!

Вдруг белая простыня приподнялась, и из-под нее вышла... черная курица!

– Ах! Это ты, Чернушка! – невольно вскричал Алеша. – Как ты зашла сюда?

Чернушка захлопала крыльями, взлетела к нему на кровать и сказала человеческим голосом:

– Это я, Алеша! Ты не боишься меня, не правда ли?

– Зачем я тебя буду бояться? – отвечал он. – Я тебя люблю; только для меня странно, что ты так хорошо говоришь. Я совсем не знал, что ты говорить умеешь!

– Если ты меня не боишься, – продолжала курица, – так поди за мною; я тебе покажу что-нибудь хорошенькое. Одевайся скорее!

– Какая ты, Чернушка, смешная! – сказал Алеша. – Как мне можно одеться в темноте? Я платья своего теперь не сыщу; я и тебя насилу вижу!

– Постараюсь этому помочь, – сказала курочка.

Тут она закудаhtала странным голосом, и вдруг откуда ни взялись маленькие свечки в серебряных шандалах, не больше как с Алешин маленький пальчик. Шандалы эти очутились на полу, на стульях, на окнах, даже на рукомоyнике, и в комнате сделалось так светло, как будто днем. Алеша начал одеваться, а курочка подавала ему платье, и таким образом он вскоре совсем был одет.

Когда Алеша был готов, Чернушка опять закудаhtала, и все свечки исчезли.

– Иди за мною, – сказала она ему, и он смело последовал за нею. Из глаз ее выходили как будто лучи, которые освещали всё вокруг них, хотя не так ярко, как маленькие свечки. Они прошли через переднюю...

– Дверь заперта ключом, – сказал Алеша.

Но курочка ему не отвечала: она хлопнула крыльями, и дверь сама собою отворилась...

Потом, прошедши через сени, обратились они к комнатам, где жили столетние старушки-голландки. Алеша никогда у них не бывал, но слышал, что комнаты у них убраны по-

старинному, что у одной из них большой серый попугай, а у другой серая кошка, очень умная, которая умеет прыгать через обруч и подавать лапку. Ему давно хотелось все это видеть, и потому он очень обрадовался, когда курочка опять хлопнула крыльями, и дверь в старушкины покои отворилась. Алеша в первой комнате увидел всякого рода странные мебели: резные стулья, кресла, столы и комоды. Большая лежанка была из голландских изразцов, на которых нарисованы были синей муравой люди и звери. Алеша хотел было остановиться, чтоб рассмотреть мебели, а особливо фигуры на лежанке, но Чернушка ему не позволила. Они вошли во вторую комнату – и тут-то Алеша обрадовался! В прекрасной золотой клетке сидел большой серый попугай с красным хвостом. Алеша тотчас хотел подбежать к нему. Чернушка опять его не допустила.

– Не трогай здесь ничего, – сказала она. – Берегись разбудить старушек!

Тут только Алеша заметил, что подле попугая стояла кровать с белыми кисейными занавесками, сквозь которые он мог различить старушку, лежащую с закрытыми глазами: она показалась ему как будто восковая. В другом углу стояла такая же точно кровать, где спала другая старушка, а подле нее сидела серая кошка и умывалась передними лапами. Проходя мимо нее, Алеша не мог утерпеть, чтоб не попросить у ней лапки... Вдруг она громко замыкала, попугай нахохлился и начал громко кричать: «Дурррак! Дурррак!» В то самое время видно было сквозь кисейные занавески, что старушки приподнялись в постели... Чернушка поспешно удалилась, Алеша побежал за нею, дверь вслед за ними сильно захлопнулась... И еще долго слышно было, как попугай кричал: «Дурррак! Дурррак!»

– Как тебе не стыдно! – сказала Чернушка, когда они удалились от комнат старушек. – Ты, верно, разбудил рыцарей...

– Каких рыцарей? – спросил Алеша.

– Ты увидишь, – отвечала курочка. – Не бойся, однако ж, ничего, иди за мною смело.

Они спустились вниз по лестнице, как будто в погреб, и долго-долго шли по разным переходам и коридорам, которых прежде Алеша никогда не видывал. Иногда коридоры эти так были низки и узки, что Алеша принужден был нагибаться. Вдруг вошли они в залу, освещенную тремя большими хрустальными люстрами. Зала была без окошек, и по обеим сторонам висели на стенах рыцари в блестящих латах, с большими перьями на шлемах, с копьями и щитами в железных руках. Чернушка шла вперед на цыпочках и Алеше велела следовать за собою тихонько-тихонько... В конце залы была большая дверь из светлой желтой меди. Лишь только они подошли к ней, как соскочили со стен два рыцаря, ударили копьями об щиты и бросились на черную курицу. Чернушка подняла хохол, распустила крылья... Вдруг сделалась большая-большая, выше рыцарей, – и начала с ними сражаться! Рыцари сильно на нее наступали, а она защищалась крыльями и носом. Алеше сделалось страшно, сердце в нем сильно затрепетало, и он упал в обморок.

Когда пришел он опять в себя, солнце сквозь ставни освещало комнату, и он лежал в своей постели: не видно было ни Чернушки, ни рыцарей. Алеша долго не мог опомниться. Он не понимал, что с ним было ночью: во сне ли все то видел или в самом деле это происходило? Он оделся и пошел вверх, но у него не выходило из головы виденное им в прошлую ночь. С нетерпением ожидал он минуты, когда можно ему будет идти играть на двор, но весь тот день, как нарочно, шел сильный снег, и нельзя было и подумать, чтоб выйти из дому.

За обедом учительша между прочими разговорами объявила мужу, что черная курица непонятно куда спряталась.

– Впрочем, – прибавила она, – беда невелика, если бы она и пропала; она давно назначена была на кухню. Вообрази себе, душенька, что с тех пор, как она у нас в доме, она не снесла ни одного яичка.

Алеша чуть-чуть не заплакал, хотя и пришло ему на мысль, что лучше, чтоб ее нигде не находили, нежели чтоб попала она на кухню.

После обеда Алеша остался опять один в классных комнатах. Он беспрестанно думал о том, что происходило в прошедшую ночь, и не мог никак утешиться о потере любезной Чернушки. Иногда ему казалось, что он непременно должен ее увидеть в следующую ночь, несмотря на то, что она пропала из курятника; но потом ему казалось, что это дело несбыточное, и он опять погружался в печаль.

Настало время ложиться спать, и Алеша с нетерпением разделся и лег в постель. Не успел он взглянуть на соседнюю кровать, опять освещенную тихим лунным сиянием, как зашевелилась белая простыня – точно так, как накануне... Опять послышался ему голос, его зовущий: «Алеша, Алеша!» – и немного погодя вышла из-под кровати Чернушка и взлетела к нему на постель.

– Ах! Здравствуй, Чернушка! – вскричал он вне себя от радости. – Я боялся, что никогда тебя не увижу. Здорова ли ты?

– Здорова, – отвечала курочка, – но чуть было не занемогла по твоей милости.

– Как это, Чернушка? – спросил Алеша, испугавшись.

– Ты добрый мальчик, – продолжала курочка, – но притом ты ветрен и никогда не слушаешься с первого слова, а это нехорошо! Вчера я говорила тебе, чтоб ты ничего не трогал в комнатах старушек. Несмотря на то, ты не мог утерпеть, чтобы не попросить у кошки лапку. Кошка разбудила попугая, попугай старушек, старушки рыцарей – и я насилу с ними сладила!

– Виноват, любезная Чернушка, вперед не буду! Пожалуйста, поведи меня сегодня опять туда. Ты увидишь, что я буду послушен.

– Хорошо, – сказала курочка, – увидим!

Курочка закудаhtала, как накануне, и те же маленькие свечки явились в тех же серебряных шандалах. Алеша опять оделся и пошел за курицею. Опять вошли они в покои старушек, но в этот раз он уже ни до чего не дотрагивался. Когда они проходили чрез первую комнату, то ему показалось, что люди и звери, нарисованные на лежанке, делают разные смешные гримасы и манят его к себе, но он нарочно от них отвернулся. Во второй комнате старушки-голландки, так же как накануне, лежали в постелях, будто восковые; попугай смотрел на Алешу и хлопал глазами; серая кошка опять умывалась лапками. На уборном столе перед зеркалом Алеша увидел две фарфоровые китайские куклы, которых вчера он не заметил. Они кивали ему головою, но он помнил приказание Чернушки и прошел не останавливаясь. Однако не мог утерпеть, чтоб мимоходом им не поклониться. Куколки тотчас соскочили со стола и побежали за ним, все кивая головою. Чуть-чуть он не остановился – так они показались ему забавными. Но Чернушка оглянулась на него с сердитым видом, и он опомнился.

Куколки проводили их до дверей и, видя, что Алеша на них не смотрит, возвратились на свои места.

Опять спустились они с лестницы, ходили по переходам и коридорам и пришли в ту же залу, освещенную тремя хрустальными люстрами. Те же рыцари висели на стенах, и опять – когда приблизились они к двери из желтой меди – два рыцаря сошли со стены и заступили им дорогу. Казалось, однако, что они не так сердиты были, как накануне; они едва тащили ноги, как осенние мухи, и видно было, что они чрез силу держали свои копья... Чернушка сделалась большая и нахохлилась; но только что ударила их крыльями, как они рассыпались на части, – и Алеша увидел, что то были пустые латы! Медная дверь сама собою отворилась, и они пошли далее. Немного погодя вошли они в другую залу, просторную, но невысокую, так что Алеша мог достать рукою до потолка. Зала эта освещена была такими же маленькими свечками, какие он видел в своей комнате, но шандалы были не серебряные, а золотые. Тут Чернушка оставила Алешу.

– Побудь здесь немного, – сказала она ему, – я скоро приду назад. Сегодня был ты умен, хотя неосторожно поступил, поклонившись фарфоровым куколкам. Если б ты им не покло-

нился, то рыцари остались бы на стене. Впрочем, ты сегодня не разбудил старушек, и оттого рыцари не имели никакой силы.

После сего Чернушка вышла из залы.

Оставшись один, Алеша со вниманием стал рассматривать залу, которая очень богато была убрана. Ему показалось, что стены сделаны из лабрадора, какой он видел в минеральном кабинете, имеющемся в пансионе; панели и двери были из чистого золота. В конце залы, под зеленым балдахином на возвышенном месте стояли кресла из золота.

Алеша очень любовался этим убранством, но странным показалось ему, что все было в самом маленьком виде, как будто для небольших кукол.

Между тем как он с любопытством все рассматривал, отворилась боковая дверь, прежде им не замеченная, и вошло множество маленьких людей, ростом не более как с пол-аршина, в нарядных разноцветных платьях. Вид их был важен: иные по одеянию казались военными, другие – гражданскими чиновниками. На всех были круглые с перьями шляпы, наподобие испанских. Они не замечали Алешу, прохаживались чинно по комнатам и громко между собою говорили, но он не мог понять, что они говорили. Долго смотрел он на них молча и только что хотел подойти к одному из них с вопросом, как отворилась большая дверь в конце залы... Все замолкли, стали к стенам в два ряда и сняли шляпы. В одно мгновение комната сделалась еще светлее; все маленькие свечки еще ярче загорели – и Алеша увидел двадцать маленьких рыцарей, в золотых латах, с пунцовыми на шлемах перьями, которые попарно входили тихим маршем. Потом в глубоком молчании стали они по обеим сторонам кресел. Немного погодя вошел в залу человек с величественною осанкою, на голове с венцом, блестящим драгоценными камнями. На нем была светло-зеленая мантия, подбитая мышьям мехом, с длинным шлейфом, который несли двадцать маленьких пажей в пунцовых платьях. Алеша тотчас догадался, что это должен быть король. Он низко ему поклонился. Король отвечал на поклон его весьма ласково и сел в золотые кресла. Потом что-то приказал одному из стоявших подле него рыцарей, который, подошел к Алеше, объявил ему, чтоб он приблизился к креслам. Алеша повиновался.

– Мне давно было известно, – сказал король, – что ты добрый мальчик; но третьего дня ты оказал великую услугу моему народу и за то заслуживаешь награду. Мой главный министр донес мне, что ты спас его от неизбежной и жестокой смерти.

– Когда? – спросил Алеша с удивлением.

– Третьего дня на дворе, – отвечал король. – Вот тот, который обязан тебе жизнью.

Алеша взглянул на того, на которого указывал король, и тут только заметил, что между придворными стоял маленький человек, одетый весь в черное. На голове у него была особенного рода шапка малинового цвета, наверху с зубчиками, надетая немного набок; а на шее был платок, очень накрахмаленный, отчего казался он немного синеватым. Он умильно улыбался, глядя на Алешу, которому лицо его показалось знакомым, хотя не мог он вспомнить, где его видал.

Сколь для Алешу ни было лестно, что приписывали ему такой благородный поступок, но он любил правду, и потому, сделав низкий поклон, сказал:

– Господин король! Я не могу принять на свой счет того, чего никогда не делал. Третьего дня я имел счастье избавить от смерти не министра вашего, а черную нашу курицу, которую не любила кухарка за то, что не снесла она ни одного яйца...

– Что ты говоришь?! – прервал его с гневом король. – Мой министр – не курица, а заслуженный чиновник!

Курица черной масти (чернушка) – персонаж сказок, гаданий и суеверий. Она у многих народов считается мистической птицей. В Скандинавии есть поверье, что черная курица имеет связь с потусторонним миром и даже чувствует его вибрации. Именно поэтому ее пускали на кладбище в поисках вампиров. Села курочка на могилу – значит, именно здесь лежит вурдалак. Многие сонники придают большое значение сновидениям, в которых есть несушка с черным оперением. Чаще всего она предупреждает о грядущих неприятностях в семье или с близкими людьми.

Тут подошел министр ближе, и Алеша увидел, что, в самом деле, это была его любезная Чернушка. Он очень обрадовался и попросил у короля извинения, хотя никак не мог понять, что это значит.

– Скажи мне, чего ты желаешь? – продолжал король. – Если я в силах, то непременно исполню твое требование.

– Говори смело, Алеша! – шепнул ему на ухо министр.

Алеша задумался и не знал, чего пожелать. Если б дали ему более времени, то он, может быть, и придумал бы что-нибудь хорошенькое. Но так как ему казалось неучтивым заставить дожидаться короля, то он поспешил с ответом.

– Я бы желал, – сказал он, – чтобы, не учившись, я всегда знал урок свой, какой бы мне ни задали.

– Не думал я, что ты такой ленивец, – отвечал король, покачав головою. – Но делать нечего: я должен исполнить свое обещание.

Он махнул рукою, и паж поднес золотое блюдо, на котором лежало одно конопляное семечко.

– Возьми это семечко, – сказал король. – Пока оно будет у тебя, ты всегда знать будешь урок свой, какой бы тебе ни задали, с тем, однако, условием, чтоб ты ни под каким предлогом никому не сказывал ни одного слова о том, что ты здесь видел или впредь увидишь. Малейшая нескромность лишит тебя навсегда наших милостей, а нам наделает множество хлопот и неприятностей.

Алеша взял конопляное зерно, завернул в бумажку и положил в карман, обещаясь быть молчаливым и скромным. Король после того встал с кресел и тем же порядком вышел из залы, приказав прежде министру угостить Алешу как можно лучше.

Лишь только король удалился, как окружили Алешу все придворные и начали его всячески ласкать, изъявляя признательность свою за то, что он избавил министра. Они все предлагали ему свои услуги: одни спрашивали, не хочет ли он погулять в саду или посмотреть коро-

левский зверинец; другие приглашали его на охоту. Алеша не знал, на что решиться. Наконец министр объявил, что сам будет показывать подземные редкости дорогому гостю.

Сначала повел он его в сад, устроенный в английском вкусе. Дорожки усеяны были крупными разноцветными камешками, отражавшими свет от бесчисленных маленьких ламп, которыми увешаны были деревья. Этот блеск чрезвычайно понравился Алеше.

– Камни эти, – сказал министр, – у вас называются драгоценными. Это все бриллианты, яхонты, изумруды и аметисты.

– Ах, когда бы у нас этим усыпаны были дорожки! – вскричал Алеша.

– Тогда и у вас бы они так же были малоценны, как здесь, – отвечал министр.

Деревья также показались Алеше отменно красивыми, хотя притом очень странными. Они были разного цвета: красные, зеленые, коричневые, белые, голубые и лиловые. Когда посмотрел он на них со вниманием, то увидел, что это не что иное, как разного рода мох, только выше и толще обыкновенного. Министр рассказал ему, что мох этот выписан королем за большие деньги из дальних стран и из самой глубины земного шара.

Из сада пошли они в зверинец. Там показали Алеше диких зверей, которые привязаны были на золотых цепях. Всматриваясь внимательнее, он, к удивлению своему, увидел, что дикие эти звери были не что иное, как большие крысы, кроты, хорьки и подобные им звери, живущие в земле и под полами. Ему это очень показалось смешно, но он из учтивости не сказал ни слова.

Возвратившись в комнаты после прогулки, Алеша в большой зале нашел накрытый стол, на котором расставлены были разного рода конфеты, пироги, паштеты и фрукты. Блюда все были из чистого золота, а бутылки и стаканы выточены из цельных бриллиантов, яхонтов и изумрудов.

– Кушай, что угодно, – сказал министр, – с собою же брать ничего не позволено.

Алеша в тот день очень хорошо поужинал, и потому ему вовсе не хотелось кушать.

– Вы обещались взять меня с собою на охоту, – сказал он.

– Очень хорошо, – отвечал министр. – Я думаю, что лошади уже оседланы.

Тут он свистнул, и вошли конюхи, ведущие в поводах – палочки, у которых набалдашники были резной работы и представляли лошадиные головы. Министр с большою ловкостью вскочил на свою лошадь; Алеше подвели палку гораздо более других.

– Берегись, – сказал министр, – чтоб лошадь тебя не сбросила: она не из самых смиренных.

Алеша внутренне смеялся этому, но когда он взял палку между ног, то увидел, что совет министра был бесполезен. Палка начала под ним увертываться и манежиться, как настоящая лошадь, и он насилу мог усидеть.

Между тем загрублили в рога, и охотники пустились скакать во всю прыть по разным переходам и коридорам. Долго они так скакали, и Алеша от них не отставал, хотя с трудом мог сдерживать бешеную палку свою... Вдруг из одного бокового коридора выскочило несколько крыс, таких больших, каких Алеша никогда не видывал. Они хотели пробежать мимо, но когда министр приказал их окружить, то они остановились и начали защищаться храбро. Несмотря, однако, на то, они были побеждены мужеством и искусством охотников. Восемь крыс легли на месте, три обратились в бегство, а одну, довольно тяжело раненную, министр велел вылечить и отвести в зверинец.

По окончании охоты Алеша так устал, что глазки его невольно закрывались... При всем том ему хотелось обо многом поговорить с Чернушкою, и он попросил позволения возвратиться в залу, из которой они выехали на охоту.

Министр на то согласился; большою рысью поехали они назад и по прибытии в залу отдали лошадей конюхам, раскланялись с придворными и охотниками и сели друг подле друга на принесенные им стулья.

– Скажи, пожалуйста, – начал Алеша, – зачем вы убили бедных крыс, которые вас не беспокоят и живут так далеко от вашего жилища?

– Если б мы их не истребляли, – сказал министр, – то они вскоре бы нас выгнали из комнат наших и истребили бы все наши съестные припасы. К тому же мыши и крысы меха у нас в высокой цене, по причине их легкости и мягкости. Одним знатным особам позволено их у нас употреблять.

– Да скажи мне, пожалуй, кто вы таковы? – продолжал Алеша.

– Неужели ты никогда не слыхал, что под землю живет народ наш? – отвечал министр. – Правда, не многим удастся нас видеть, однако бывали примеры, особливо в старину, что мы выходили на свет и показывались людям. Теперь это редко случается, потому что люди сделались очень нескромны. А у нас существует закон, что если тот, кому мы показали, не сохранит этого в тайне, то мы принуждены бываем немедленно оставить местопребывание наше и идти – далеко-далеко в другие страны. Ты легко представить себе можешь, что королю нашему невесело было бы оставить все здешние заведения и с целым народом переселиться в неизвестные земли. И потому убедительно тебя прошу быть как можно скромнее, ибо в противном случае ты нас всех сделаешь несчастными, а особливо меня. Из благодарности я упросил короля призвать тебя сюда. Но он никогда мне не простит, если по твоей нескромности мы принуждены будем оставить этот край...

– Я даю тебе честное слово, что никогда не буду ни с кем об вас говорить, – прервал его Алеша. – Я теперь вспомнил, что читал в одной книжке о гномах, которые живут под землею. Пишут, что в некотором городе очень разбогател один сапожник в самое короткое время, так что никто не понимал, откуда взялось его богатство. Наконец как-то узнали, что он шил сапоги и башмаки на гномов, плативших ему за то очень дорого.

– Быть может, что это правда, – отвечал министр.

– Но, – сказал ему Алеша, – объясни мне, любезная Чернушка, отчего ты, будучи министром, являешься в свет в виде курицы, и какую связь имеете вы со старушками-голландками?

Чернушка, желая удовлетворить его любопытству, начала было рассказывать ему подробно о многом; но при самом начале ее рассказа глаза Алешины закрылись, и он крепко заснул. Проснувшись на другое утро, он лежал в своей постели.

Долго не мог он опомниться и не знал, что ему думать... Чернушка и министр, король и рыцари, голландки и крысы – все это смешалось в его голове, и он насилу мысленно привел в порядок все, виденное им в прошлую ночь. Вспомнив, что король подарил ему конопляное зерно, он поспешно бросился к своему платью, и действительно нашел в кармане бумажку, в которой завернуто было конопляное семечко. «Увидим, – подумал он, – сдержит ли слово свое король! Завтра начнутся классы, а я еще не успел выучить всех своих уроков».

Исторический урок особенно его беспокоил: ему задано было выучить наизусть несколько страниц из Шрековой «Всемирной истории»¹⁹, и он не знал еще ни одного слова! Настал понедельник, съехались пансионеры, и начались классы. От десяти часов до двенадцати преподавал историю сам содержатель пансиона. У Алеши сильно билось сердце... Пока дошла до него очередь, он несколько раз ощупывал лежащую в кармане бумажку с конопляным зернышком... Наконец его вызвали. С трепетом подошел он к учителю, открыл рот, сам еще не зная, что сказать, и – безошибочно, не останавливаясь, проговорил заданное. Учитель очень его хвалил, однако Алеша не принимал его хвалу с тем удовольствием, которое прежде чувствовал он в подобных случаях. Внутренний голос ему говорил, что он не заслуживает этой похвалы, потому что урок этот не стоил ему никакого труда.

В продолжение нескольких недель учителя не могли нахвалиться Алешей. Все уроки без исключения знал он совершенно, все переводы с одного языка на другой были без ошибок,

¹⁹ «Шрекова Всемирная история для обучения юношества». СПб., 1787 (ее автор – Иоганн Шрекк).

так что не могли надивиться чрезвычайными его успехами. Алеша внутренне стыдился этих похвал: ему совестно было, что поставляли его в пример товарищам, тогда как он вовсе того не заслуживал.

В течение этого времени Чернушка к нему не являлась, несмотря на то, что Алеша, особенно в первые недели после получения конопляного зернышка, не пропускал почти ни одного дня без того, чтобы ее не звать, когда ложился спать. Сначала он очень о том горевал, но потом успокоился мыслию, что она, вероятно, занята важными делами по своему званию. Впоследствии же похвалы, которыми все его осыпали, так его заняли, что он довольно редко о ней вспоминал.

Между тем слух о необыкновенных его способностях разнесся вскоре по целому Петербургу. Сам директор училищ приезжал несколько раз в пансион и любовался Алешею. Учитель носил его на руках, ибо чрез него пансион вошел в славу. Со всех концов города съезжались родители и приставали к нему, чтоб он детей их принял к себе, в надежде, что и они такие же будут ученые, как Алеша. Вскоре пансион так наполнился, что не было уже места для новых пансионеров, и учитель с учительшею начали помышлять о том, чтоб нанять дом, гораздо пространнейший того, в котором они жили.

Алеша, как сказал я уже выше, сначала стыдился похвал, чувствуя, что вовсе их не заслуживает, но мало-помалу он стал к ним привыкать, и наконец самолюбие его дошло до того, что он принимал, не краснеясь, похвалы, которыми его осыпали. Он много стал о себе думать, важничал перед другими мальчиками и вообразил себе, что он гораздо лучше и умнее всех их. Нрав Алешин от этого совсем испортился: из доброго, милого и скромного мальчика он сделался гордый и непослушный. Совесть часто его в том упрекала, и внутренний голос ему говорил: «Алеша, не гордись! Не приписывай самому себе того, что не тебе принадлежит; благодари судьбу за то, что она тебе доставила выгоды против других детей, но не думай, что ты лучше их. Если ты не исправись, то никто тебя любить не будет, и тогда ты при всей своей учености будешь самое несчастное дитя!»

Иногда он и принимал намерение исправиться; но, к несчастью, самолюбие так в нем было сильно, что заглушало голос совести, и он день ото дня становился хуже, и день ото дня товарищи менее его любили.

Притом Алеша сделался страшный шалун. Не имея нужды твердить уроков, которые ему задавали, он в то время, когда другие дети готовились к классам, занимался шалостями, и эта праздность еще более портила его нрав. Наконец он так надоел всем дурным своим нравом, что учитель серьезно начал думать о средствах к исправлению такого дурного мальчика – и для того задавал ему уроки вдвое и втрое большие, нежели другим; но и это нисколько не помогало. Алеша вовсе не учился, а все-таки знал урок с начала до конца без малейшей ошибки.

Однажды учитель, не зная, что с ним делать, задал ему выучить наизусть страниц двадцать к другому утру и надеялся, что он, по крайней мере, в этот день будет смиреннее. Куды! Наш Алеша и не думал об уроке! В этот день он нарочно шалил более обыкновенного, и учитель тщетно грозил ему наказанием, если на другое утро не будет он знать урока. Алеша внутренне смеялся этим угрозам, будучи уверен, что конопляное зернышко поможет ему непременно. На следующий день в назначенный час учитель взял в руки книжку, из которой задан был урок Алеше, подозвал его к себе и велел проговорить заданное. Все дети с любопытством обратили на Алешу внимание, и сам учитель не знал, что подумать, когда Алеша, несмотря на то, что вовсе накануне не твердил урока, смело встал со скамейки и подошел к нему. Алеша нимало не сомневался в том, что и этот раз ему удастся показать свою необыкновенную способность. Он разинул рот... И не мог выговорить ни слова!

– Что ж вы молчите? – сказал ему учитель. – Говорите урок.

Алеша покраснел, потом побледнел, опять покраснел, начал мять свои руки, слезы у него от страха навернулись на глазах... Все тщетно! Он не мог выговорить ни одного слова, потому что, надеясь на конопляное зерно, он даже и не заглядывал в книгу.

– Что это значит, Алеша?! – закричал учитель. – Зачем вы не хотите говорить?!

Алеша сам не знал, чему приписать такую странность, всунул руку в карман, чтоб ощупать семечко... Но как описать его отчаяние, когда он его не нашел! Слезы градом полились из глаз его... Он горько плакал и все-таки не мог сказать ни слова.

Между тем учитель терял терпение. Привыкнув к тому, что Алеша всегда отвечал безошибочно и не запинаясь, ему казалось невозможным, чтоб он не знал, по крайней мере, начала урока, и потому приписывал молчание его упрямству.

– Пойдите в спальню, – сказал он, – и оставайтесь там, пока совершенно будете знать урок.

Алешу отвели в нижний этаж, дали ему книгу и заперли дверь ключом.

Лишь только он остался один, как начал везде искать конопляное зернышко. Он долго шарил у себя в карманах, ползал по полу, смотрел под кроватью, перебирал одеяло, подушки, простыню – все напрасно! Нигде не было и следов любезного зернышка! Он старался вспомнить, где он мог его потерять, и, наконец, уверился, что выронил его как-нибудь накануне, играя на дворе. Но каким образом найти его? Он заперт был в комнате, а если бы и позволили выйти на двор, так и это, вероятно, ни к чему бы не послужило, ибо он знал, что курочки лакомы на коноплю, и зернышко его, верно, которая-нибудь из них успела склевать! Отчаявшись отыскать его, он вздумал призвать к себе на помощь Чернушку.

– Милая Чернушка! – говорил он. – Любезный министр! Пожалуйста, явись мне и дай другое зернышко! Я, право, вперед буду осторожнее...

Но никто не отвечал на его просьбы, и он, наконец, сел на стул и опять принялся горько плакать.

Между тем настала пора обедать; дверь отворилась, и вошел учитель.

– Знаете ли вы теперь урок? – спросил он у Алешы.

Алеша, громко всхлипывая, принужден был сказать, что не знает.

– Ну, так оставайтесь здесь, пока выучите! – сказал учитель, велел подать ему стакан воды и кусок ржаного хлеба и оставил его опять одного.

Алеша стал твердить наизусть, но ничего не входило ему в голову. Он давно отвык от занятий, да и как вытвердить двадцать печатных страниц! Сколько он ни трудился, сколько ни напрягал свою память, но когда настал вечер, он не знал более двух или трех страниц, да и то плохо. Когда пришло время другим детям ложиться спать, все товарищи его разом нагрянули в комнату, и с ними пришел опять учитель.

– Алеша! Знаете ли вы урок? – спросил он.

И бедный Алеша сквозь слезы отвечал:

– Знаю только две страницы.

– Так видно и завтра придется вам просидеть здесь на хлебе и на воде, – сказал учитель, пожелал другим детям покойного сна и удалился.

Алеша остался с товарищами. Тогда, когда он был доброе и скромное дитя, все его любили, и если, бывало, подвергался он наказанию, то все о нем жалели, и это ему служило утешением. Но теперь никто не обращал на него внимания, все с презрением на него смотрели и не говорили с ним ни слова. Он решил сам начать разговор с одним мальчиком, с которым в прежнее время был очень дружен, но тот от него отворотился, не отвечая. Алеша обратился к другому, но и тот говорить с ним не хотел и даже оттолкнул его от себя, когда он опять с ним заговорил. Тут несчастный Алеша почувствовал, что он заслуживает такое с ним обхождение товарищей. Обливаясь слезами, лег он в свою постель, но никак не мог заснуть.

Долго лежал он таким образом и с горестью вспоминал о минувших счастливых днях. Все дети уже наслаждались сладким сном, один только он заснуть не мог! «И Чернушка меня оставила», – подумал Алеша, и слезы вновь полились у него из глаз.

Вдруг... Простыня у соседней кровати зашевелилась, подобно как в первый тот день, когда к нему явилась черная курица. Сердце в нем стало биться сильнее... Он желал, чтоб Чернушка вышла опять из-под кровати; но не смел надеяться, что желание его исполнится.

– Чернушка, Чернушка! – сказал он, наконец, вполголоса.

Простыня приподнялась, и к нему на постель взлетела черная курица.

– Ах, Чернушка! – сказал Алеша вне себя от радости. – Я не смел надеяться, что с тобою увижусь! Ты меня не забыла?

– Нет, – отвечала она, – я не могу забыть оказанной тобою услуги, хотя тот Алеша, который спас меня от смерти, вовсе не похож на того, которого теперь перед собою вижу. Ты тогда был добрый мальчик, скромный и учтивый, и все тебя любили, а теперь... Я не узнаю тебя!

Алеша горько заплакал, а Чернушка продолжала давать ему наставления. Долго она с ним разговаривала и со слезами упрашивала его исправиться. Наконец, когда уже начинал показываться дневной свет, курочка ему сказала:

– Теперь я должна тебя оставить, Алеша! Вот конопляное зерно, которое выронил ты на дворе. Напрасно ты думал, что потерял его невозвратно. Король наш слишком великодушен, чтоб лишить тебя оно за твою неосторожность. Помни, однако, что ты дал честное слово сохранять в тайне все, что тебе о нас известно... Алеша! К теперешним худым свойствам твоим не прибавь еще худшего – неблагодарности!

Алеша с восхищением взял любезное свое семечко из лапок курицы и обещался употребить все силы свои, чтоб исправиться!

– Ты увидишь, милая Чернушка, – сказал он, – что я сегодня же совсем другой буду...

– Не полагай, – отвечала Чернушка, – что так легко исправиться от пороков, когда они уже взяли над нами верх. Пороки обыкновенно входят в дверь, а выходят в щелочку, и потому, если хочешь исправиться, то должен беспрестанно и строго смотреть за собою. Но прощай!.. Пора нам расстаться!

Алеша, оставшись один, начал рассматривать свое зернышко и не мог им налюбоваться. Теперь-то он совершенно спокоен был насчет урока, и вчерашнее горе не оставило в нем никаких следов. Он с радостью думал о том, как будут все удивляться, когда он безошибочно проговорит двадцать страниц, – и мысль, что он опять возьмет верх над товарищами, которые не хотели с ним говорить, ласкала его самолюбие. Об исправлении самого себя он хотя и не забыл, но думал, что это не может быть так трудно, как говорила Чернушка. «Будто не от меня зависит исправиться! – мыслил он. – Стоит только захотеть, и все опять меня любить будут...»

Увы! Бедный Алеша не знал, что для исправления самого себя необходимо должно начать тем, чтоб откинуть самолюбие и излишнюю самонадеянность.

Когда поутру собрались дети в классы, Алешу позвали вверх. Он вошел с веселым и торжествующим видом.

– Знаете ли вы урок ваш? – спросил учитель, взглянув на него строго.

– Знаю, – отвечал Алеша смело.

Он начал говорить и проговорил все двадцать страниц без малейшей ошибки и остановки. Учитель вне себя был от удивления, а Алеша гордо посматривал на своих товарищей.

От глаз учителя не скрылся гордый вид Алешин.

– Вы знаете урок свой, – сказал он ему, – это правда. Но зачем вы вчера не хотели его сказать?

– Вчера я не знал его, – отвечал Алеша.

– Быть не может, – прервал его учитель. – Вчера вечером вы мне сказали, что знаете только две страницы, да и то плохо, а теперь без ошибки проговорили все двадцать! Когда же вы их выучили?

Алеша замолчал. Наконец дрожащим голосом сказал он:

– Я выучил его сегодня поутру!

Но тут вдруг все дети, огорченные его надменностью, закричали в один голос:

– Он неправду говорит; он и книги в руки не брал сегодня поутру!

Алеша вздрогнул, потупил глаза в землю и не сказал ни слова.

– Отвечайте же! – продолжал учитель. – Когда выучили вы урок?

Но Алеша не прерывал молчания: он так поражен был сим неожиданным вопросом и недоброжелательством, которое оказывали ему все его товарищи, что не мог опомниться.

Между тем учитель, полагая, что он накануне не хотел сказывать урока из упрямства, счел за нужное строго наказать его.

– Чем более вы от природы имеете способностей и дарований, – сказал он Алеше, – тем скромнее и послушнее вы должны быть. Не для того Бог дал вам ум, чтоб вы во зло его употребляли. Вы заслуживаете наказание за вчерашнее упрямство, а сегодня вы еще увеличили вину вашу тем, что солгали. Господа! – продолжал учитель, обращаясь к пансионерам. – Запрещаю всем вам говорить с Алешей до тех пор, пока он совершенно исправится. А так как, вероятно, для него это небольшое наказание, то велите подать розги.

Принесли розги... Алеша был в отчаянии! В первый еще раз с тех пор, как существовал пансион, наказывали розгами, и кого же – Алешу, который так много о себе думал, который считал себя лучше и умнее всех! Какой стыд!..

Он, рыдая, бросился к учителю и обещался совершенно исправиться...

– Надо было думать об этом прежде, – был ему ответ.

Слезы и раскаяние Алеши тронули товарищей, и они начали просить за него; а Алеша, чувствуя, что не заслужил их сострадания, еще горше стал плакать. Наконец учитель приведен был в жалость.

– Хорошо! – сказал он. – Я прошу вас ради просьбы товарищей ваших, но с тем, чтоб вы пред всеми признались в вашей вине и объявили, когда вы выучили заданный урок?

Алеша совершенно потерял голову... Он забыл обещание, данное подземельному королю и его министру, и начал рассказывать о черной курице, о рыцарях, о маленьких людях...

Учитель не дал ему договорить...

– Как! – вскричал он с гневом. – Вместо того чтобы раскаяться в дурном поведении вашем, вы меня еще вздумали дурачить, рассказывая сказку о черной курице?.. Этого слишком уже много. Нет, дети! Вы видите сами, что его нельзя не наказать!

И бедного Алешу высекли!

С поникшею головою, с растерзанным сердцем, Алеша пошел в нижний этаж, в спальные комнаты. Он был как убитый... Стыд и раскаяние наполняли его душу! Когда через несколько часов он немного успокоился и положил руку в карман... Конопляного зернышка в нем не было! Алеша горько заплакал, чувствуя, что потерял его навсегда!

Вечеру, когда другие дети пришли спать, он также лег в постель, но заснуть никак не мог! Как раскаивался он в дурном поведении своем! Он решительно принял намерение исправиться, хотя чувствовал, что конопляное зернышко возвратить невозможно!

Около полуночи пошевелилась опять простыня у соседней кровати... Алеша, который накануне этому радовался, теперь закрыл глаза... Он боялся увидеть Чернушку! Совесть его мучила. Он вспомнил, что еще вчера вечером так уверительно говорил Чернушке, что непременно исправится, – и вместо того... Что он ей теперь скажет?

Несколько времени лежал он с закрытыми глазами. Ему слышался шорох от поднимающейся простыни... Кто-то подошел к его кровати – и голос, знакомый голос, назвал его по имени:

– Алеша, Алеша!

Но он стыдился открыть глаза, а между тем слезы из них выкатывались и текли по его щекам...

Вдруг кто-то дернул за одеяло... Алеша невольно проглянул, и перед ним стояла Чернушка – не в виде курицы, а в черном платье, в малиновой шапочке с зубчиками и в белом накрахмаленном шейном платке, точно как он видел ее в подземной зале.

– Алеша! – сказал министр. – Я вижу, что ты не спишь... Прощай! Я пришел с тобою проститься, более мы не увидимся!..

Алеша громко зарыдал.

– Прощай! – воскликнул он. – Прощай! И, если можешь, прости меня! Я знаю, что виноват перед тобою, но я жестоко за то наказан!

– Алеша! – сказал сквозь слезы министр. – Я тебя прощаю; не могу забыть, что ты спас жизнь мою, и все тебя люблю, хотя ты сделал меня несчастным, может быть, навеки!.. Прощай! Мне позволено видеться с тобою на самое короткое время. Еще в течение нынешней ночи король с целым народом своим должен переселиться далеко-далеко от здешних мест! Все в отчаянии, все проливают слезы. Мы несколько столетий жили здесь так счастливо, так покойно!..

Алеша бросился целовать маленькие ручки министра. Схватив его за руку, он увидел на ней что-то блестящее, и в то же самое время какой-то необыкновенный звук поразил его слух...

– Что это такое? – спросил он с изумлением.

Министр поднял обе руки кверху, и Алеша увидел, что они были скованы золотой цепью... Он ужаснулся!..

– Твоя нескромность причиною, что я осужден носить эти цепи, – сказал министр с глубоким вздохом. – Но не плачь, Алеша! Твои слезы помочь мне не могут. Одним только ты можешь меня утешить в моем несчастье: старайся исправиться и будь опять таким же добрым мальчиком, как был прежде. Прощай в последний раз!

Министр пожал Алеше руку и скрылся под соседнюю кровать.

– Чернушка, Чернушка! – кричал ему вслед Алеша, но Чернушка не отвечала.

Во всю ночь не мог он сомкнуть глаз ни на минуту. За час перед рассветом послышалось ему, что под полом что-то шумит. Он встал с постели, приложил к полу ухо и долго слышал стук маленьких колес и шум, как будто множество маленьких людей проходило. Между шумом этим слышен был также плач женщин и детей и голос министра Чернушки, который кричал ему:

– Прощай, Алеша! Прощай навеки!..

На другой день поутру дети, проснувшись, увидели Алешу, лежащего на полу без памяти. Его подняли, положили в постель и послали за доктором, который объявил, что у него сильная горячка.

Недель через шесть Алеша с помощью Божьею выздоровел, и все происходившее с ним перед болезнью казалось ему тяжелым сном. Ни учитель, ни товарищи не напоминали ему ни слова ни о черной курице, ни о наказании, которому он подвергся. Алеша же сам стыдился об этом говорить и старался быть послушным, добрым, скромным и прилежным. Все его снова полюбили и стали ласкать, и он сделался примером для своих товарищей, хотя уже и не мог выучить наизусть двадцать печатных страниц вдруг – которых, впрочем, ему и не задавали.

Сказка Антония Погорельского «Черная курица, или Подземные жители» была написана в 1829 году. Предполагают, что ее источником послужило магическое масонское произведение «Черная курочка» анонимного автора. По мотивам сказки в 1975 году был снят кукольный мультфильм «Черная курица», а в 1980 году одноименный фильм (режиссер Виктор Гресь) с Валентином Гафтом и Евгением Евстигнеевым в главных ролях.

Владимир Одоевский Мороз Иванович

В одном доме жили две девочки – Рукодельница да Ленивица, а при них нянюшка.

Рукодельница была умная девочка: рано вставала, сама, без нянюшки, одевалась, а вставши с постели, за дело принималась: печку топила, хлебы месила, избу мела, петуха кормила, а потом на колодец за водой ходила.

А Ленивица меж тем в постельке лежала, потягивалась, с боку на бок переваливалась, уж разве наскучит лежать, так скажет спросонья: «Нянюшка, надень мне чулочки, нянюшка, завяжи мне башмачки», а потом заговорит: «Нянюшка, нет ли булочки?»

Встанет, попрыгает да и сядет к окошку мух считать: сколько прилетело да сколько улетело. Как всех пересчитает Ленивица, так уж и не знает, за что приняться и чем бы заняться; ей бы в постельку – да спать не хочется; ей бы покушать – да есть не хочется; ей бы к окошку мух считать – да и то надоело. Сидит, горемычная, и плачет да жалуется на всех, что ей скучно, как будто в том другие виноваты.

Между тем Рукодельница воротится, воду процедит, в кувшины нальет; да еще какая затейница: коли вода нечиста, так свернет лист бумаги, наложит в нее угольков да песку крупного насыплет, вставит ту бумагу в кувшин да нальет в нее воды, а вода-то знай проходит сквозь песок да сквозь уголья и каплет в кувшин чистая, словно хрустальная; а потом Рукодельница примется чулки вязать или платки рубить, а не то и рубашки шить да кроить да еще рукодельную песенку затынет; и не было никогда ей скучно, потому что и скучать-то было ей некогда: то за тем, то за другим делом, а тут, смотришь, и вечер – день прошел.

Мороз (Студенец, Трескунец) – персонаж славянского сказочного фольклора и календарных обрядов. В восточнославянских сказках Мороз описывается как старик с белой бородой, закутанный в шубу, который «на елке потрескивает, с елки на елку поскакивает да поцелкивает», напускает на землю зимнюю стужу.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: пошла она на колодец за водой, опустила ведро на веревке, а веревка-то и оборвись; упало ведро в колодец. Как тут быть?

Расплакалась бедная Рукодельница да и пошла к нянюшке рассказывать про свою беду и несчастье; а нянюшка Прасковья была такая строгая и сердитая, говорит:

– Сама беду сделала, сама и поправляй; сама ведро утопила, сама и доставай.

Нечего было делать: пошла бедная Рукодельница опять к колодцу, ухватилась за веревку и спустилась по ней к самому дну. Только тут с ней чудо случилось. Едва спустилась, смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

– Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня из печки возьмет, тот со мной и пойдет!

Рукодельница, нимало не мешкая, схватила лопатку, вынула пирожок и положила его за пазуху.

Идет она дальше. Перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят и промеж себя говорят:

– Мы, яблочки наливные, созрелые; корнем дерева питались, студеной росой обмывались; кто нас с дерева стрясет, тот нас себе и возьмет.

Рукодельница подошла к дереву, потрясла его за сучок, и золотые яблочки так и посыпались к ней в передник.

Рукодельница идет дальше. Смотрит: перед ней сидит старик Мороз Иванович, седой-седой; сидит он на ледяной лавочке да снежные комочки ест; тряхнет головой – от волос иней сыплется, духом дохнет – валит густой пар.

– А! – сказал он. – Здорово, Рукодельница! Спасибо, что ты мне пирожок принесла; давным-давно уж я ничего горяченького не ел.

Тут он посадил Рукодельницу возле себя, и они вместе пирожком позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

– Знаю я, зачем ты пришла, – говорит Мороз Иванович, – ты ведро в мой студенец опустила; отдать тебе ведро отдам, только ты мне за то три дня прослужи. Будешь умна, тебе ж лучше; будешь ленива, тебе ж хуже. А теперь, – прибавил Мороз Иванович, – мне, старику, и отдохнуть пора; поди-ка приготовь мне постель, да смотри взбей хорошенько перину.

Рукодельница послушалась... Пошли они в дом. Дом у Мороза Ивановича сделан был весь изо льда: и двери, и окошки, и пол ледяные, а по стенам убрано снежными звездочками; солнышко на них сияло, и все в доме блестело, как бриллианты. На постели у Мороза Ивановича вместо перины лежал снег пушистый; холодно, а делать нечего.

Рукодельница принялась взбивать снег, чтобы старику было мягче спать, а меж тем у ней, бедной, руки окостенели и пальчики побелели, как у бедных людей, что зимой в проруби белье полощут: и холодно, и ветер в лицо, и белье замерзает, колом стоит, а делать нечего – работают бедные люди.

– Ничего, – сказал Мороз Иванович, – только снегом пальцы потри, так и отойдут, не ознобишь. Я ведь старик добрый; посмотри-ка, что у меня за диковинки.

Тут он приподнял свою снежную перину с одеялом, и Рукодельница увидела, что под периною пробивается зеленая травка. Рукодельнице стало жаль бедной травки.

– Вот ты говоришь, – сказала она, – что ты старик добрый, а зачем ты зеленую травку под снежной периной держишь, на свет Божий не выпускаешь?

– Не выпускаю потому, что еще не время, еще трава в силу не вошла. Осенью крестьяне ее посеяли, она и взошла, и кабы вытянулась уже, то зима бы ее захватила, и к лету травка бы не вызрела. Вот я и прикрыл молодую зелень моею снежной периной, да еще сам прилег на нее, чтобы снег ветром не разнесло. А вот придет весна, снежная перина растает, травка заколосится, а там, смотришь, выгянет и зерно, а зерно крестьянин соберет да на мельницу отвезет; мельник зерно смелет, и будет мука, а из муки ты, Рукодельница, хлеб испечешь.

– Ну, а скажи мне, Мороз Иванович, – сказала Рукодельница, – зачем ты в колодце-то сидишь?

– Я затем в колодце сижу, что весна подходит, – сказал Мороз Иванович. – Мне жарко становится; а ты знаешь, что и летом в колодце холодно бывает, оттого и вода в колодце студеная, хоть посреди самого жаркого лета.

– А зачем ты, Мороз Иванович, – спросила Рукодельница, – зимой по улицам ходишь да в окошки стучишься?

– А я затем в окошки стучусь, – отвечал Мороз Иванович, – чтоб не забывали печей топить да трубы вовремя закрывать; а не то ведь, я знаю, есть такие неряхи, что печку истопить истопят, а трубу закрыть не закроют, или закрыть закроют, да не вовремя, когда еще не все угольки прогорели, а от того в горнице угарно бывает, голова у людей болит, в глазах зелено; даже и совсем умереть от угара можно. А затем еще я в окошки стучусь, чтоб никто не забывал, что есть на свете люди, которым зимой холодно, у которых нет шубки, да и дров купить не на что; вот я затем в окошко стучусь, чтобы им помогать не забывали.

Тут добрый Мороз Иванович погладил Рукодельницу по головке да лег почивать на свою снежную постельку.

Рукодельница меж тем все в доме прибрала, пошла на кухню, кушанье изготовила, платье у старика починила и белье выштопала.

Старичок проснулся; был всем очень доволен и поблагодарил Рукодельницу. Потом сели они обедать; обед был прекрасный, и особенно хорошо было мороженое, которое старик сам изготовил.

Так прожила Рукодельница у Мороза Ивановича целых три дня.

На третий день Мороз Иванович сказал Рукодельнице:

– Спасибо тебе, умная ты девочка, хорошо ты меня, старика, утетила, и я у тебя в долгу не останусь. Ты знаешь: люди за рукоделие деньги получают, так вот тебе твое ведерко, а в ведерко я всыпал целую горсть серебряных пяточков; да сверх того, вот тебе на память брильянтик – косыночку закалывать.

Рукодельница поблагодарила, приколола брильянтик, взяла ведерко, пошла опять к колодцу, ухватилась за веревку и вышла на свет Божий.

Только что она стала подходить к дому, как петух, которого она всегда кормила, увидав ее, обрадовался, взлетел на забор и закричал:

Кукареку-кукареки!

У Рукодельницы в ведерке пятаки!

Когда Рукодельница пришла домой и рассказала все, что с ней было. Нянюшка очень дивовалась, а потом примолвила:

– Вот видишь ты, Ленивица, что люди за рукоделие получают! Поди-ка к старичку да послужи ему, поработай; в комнате у него прибирай, на кухне готовь, платье чини да белье штопай, так и ты горсть пяточков заработаешь, а оно будет кстати: у нас к празднику денег мало.

Ленивице очень не по вкусу было идти к старику работать. Но пяточки ей получить хотелось и брильянтовую булабочку тоже.

Вот, по примеру Рукодельницы, Ленивица пошла к колодцу, схватилась за веревочку да и бух прямо ко дну. Смотрит – перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

– Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня возьмет, тот со мной и пойдет.

А Ленивица ему в ответ:

– Да, как бы не так! Мне себя утомлять – лопатку поднимать да в печку тянуться; захочешь – сам выскочишь.

Идет она далее, перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят да промеж себя говорят:

– Мы яблочки наливные, созревшие; корнем дерева питались, студеной росой обмывались; кто нас с дерева стрясет, тот нас себе и возьмет.

– Да, как бы не так! – отвечала Ленивица. – Мне себя утомлять – ручки поднимать, за сучья тянуть... Успею набрать, как сами нападают!

И прошла Ленивица мимо них. Вот дошла она и до Мороза Ивановича. Старик по-прежнему сидел на ледяной скамеечке да снежные комочки покусывал.

– Что тебе надобно, девочка? – спросил он.

– Пришла я к тебе, – отвечала Ленивица, – послужить да за работу получить.

– Дельно ты сказала, девочка, – отвечал старик, – за работу деньги следует, только посмотрим, какова еще твоя работа будет! Поди-ка взбей мою перину, а потом кушанье изготвь, да платье мое повычини, да белье повыштопай.

Пошла Ленивица, а дорогой думает:

«Стану я себя утомлять да пальцы знобить! Авовь старик не заметит и на невзбитой перине уснет».

Старик, в самом деле, не заметил или прикинулся, что не заметил, лег в постель и заснул, а Ленивица пошла на кухню. Пришла на кухню, да и не знает, что делать. Кушать-то она любила, а подумать, как готовилось кушанье, это ей в голову не приходило; да и лень ей было посмотреть. Вот она огляделась: лежит перед ней и зелень, и мясо, и рыба, и уксус, и горчица, и квас – все по порядку. Думала она, думала, кое-как зелень обчистила, мясо и рыбу разрежала да, чтоб большого труда себе не давать, как все было, мытое-немытое, так и положила в кастрюлю: и зелень, и мясо, и рыбу, и горчицу, и уксус да еще кваску подлила, а сама думает: «Зачем себя трудить, каждую вещь особо варить? Ведь в желудке все вместе будет».

По народным поверьям центральной Украины полевые цветы узнали от ветра, что злой «дидуган» Мороз собирается их заморозить. Цветы пожаловались Онуфрию Великому (день его памяти празднуется 25 июня). Преподобному жаль стало цветов, и он пошел к Морозу просить, чтобы тот не трогал их. Но Мороз заупря-

мился. Онуфрий рассердился и, не вытерпев, ударил Мороза обухом по голове. С этого дня Мороз болел до самого третьего Спаса (29 августа), а цветы в это время цвели и отцветали.

Вот старик проснулся, просит обедать. Ленивица притащила ему кастрюлю, как есть, даже скатертцы не подостлала. Мороз Иванович попробовал, поморщился, а песок так и захрустел у него на зубах.

– Хорошо ты готовишь, – заметил он, улыбаясь. – Посмотрим, какова твоя другая работа будет.

Ленивица отведала, да тотчас и выплюнула, а старик покряхтел-покряхтел да и принялся сам готовить кушанье и сделал обед на славу, так что Ленивица пальчики облизала, кушая чужую стряпню.

После обеда старик опять лег отдохнуть, да припомнил Ленивице, что у него платье не починено, да и белье не выштопано.

Ленивица понадулась, а делать было нечего: принялась платье и белье разбирать; да и тут беда: платье и белье Ленивица нашивала, а как его шьют, о том и не спрашивала; взяла было иголку, да с непривычки укололась; так ее и бросила. А старик опять будто бы ничего не заметил, ужинать Ленивицу позвал, да еще спать ее уложил. А Ленивице то и любо; думает себе: «Авось и так пройдет. Вольно было сестрице на себя труд принимать; старик добрый, он мне и так, задаром, пяточков подарит».

На третий день приходит Ленивица и просит Мороза Ивановича ее домой отпустить да за работу наградить.

– Да какая же была твоя работа? – спросил старичок. – Уж коли на правду дело пошло, так ты мне должна заплатить, потому что не ты для меня работала, а я тебе служил.

– Да, как же! – отвечала Ленивица. – Я ведь у тебя целых три дня жила.

– Знаешь, голубушка, – отвечал старичок, – что я тебе скажу: жить и служить – разница, да и работа работе рознь; заметь это: вперед пригодится. Но, впрочем, если тебя совесть не зазрит, я тебя награжу: и какова твоя работа, такова будет тебе и награда.

С этими словами Мороз Иванович дал Ленивице пребольшой серебряный слиток, а в другую руку – пребольшой брильянт.

Ленивица так этому обрадовалась, что схватила то и другое и, даже не поблагодарив старика, домой побежала.

Пришла домой и хвастается.

– Вот, – говорит, – что я заработала; не сестре чета, не горсточку пяточков да не маленький брильянтик, а целый слиток серебряный, вишь какой тяжелый, да и брильянт-то чуть не с кулак... Уж на это можно к празднику обнову купить...

Не успела она договорить, как серебряный слиток растаял и полился на пол; он было не что иное, как ртуть, которая застыла от сильного холода; в то же время начал таять и брильянт. А петух вскочил на забор и громко закричал:

Кукареку-кукурекулька!

У Ленивицы в руках ледяная сосулька!

А вы, детушки, думайте, гадайте: что здесь правда, что неправда; что сказано впрямь, что стороною; что шутки ради, что в наставленье, а что намеком. Да и то смекните, что не за всякий труд и добро награда бывает; а бывает награда ненароком, потому что труд и добро сами по себе хороши и ко всякому делу пригодны; так уж Богом устроено. Сами только чужого добра да и труда без награды не оставляйте, а покамест от вас награда – ученье да послушанье.

Николай Гоголь

Ночь перед Рождеством

Последний день перед Рождеством прошел. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звезды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа²⁰. Морозило сильнее, чем с утра; но зато так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышался за полверсты. Еще ни одна толпа парубков не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкой, как бы вызывая принаряживавшихся девушек выбежать скорее на скрипучий снег. Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошел тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле.

Если бы в это время проезжал сорочинский заседатель на тройке обывательских лошадей, в шапке с барашковым околышком, сделанной по манеру уланскому, в синем тулупе, подбитом черными смушками, с дьявольски сплетенною плетью, которою имеет он обыкновение подгонять своего ямщика, то он бы, верно, приметил ее, потому что от сорочинского заседателя ни одна ведьма на свете не ускользнет. Он знает наперечет, сколько у каждой бабы свинья мечет поросят, и сколько в сундуке лежит полотна, и что именно из своего платья и хозяйства заложит добрый человек в воскресный день в шинке. Но сорочинский заседатель не проезжал, да и какое ему дело до чужих, у него своя волость. А ведьма между тем поднялась так высоко, что одним только черным пятнышком мелькала вверх. Но где ни показывалось пятнышко, там звезды, одна за другою, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав. Три или четыре еще блестили. Вдруг, с противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукий, хотя бы надел на нос вместо очков колеса с комиссаровой брички, и тогда бы не распознал, что это такое. Спереди совершенно немец²¹: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто черт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу.

Между тем черт крался потихоньку к месяцу, и уже протянул было руку, схватить его, но вдруг одернул ее назад, как бы обжегшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова отскочил и одернул руку. Однако ж, несмотря на все неудачи, хитрый черт не оставил своих проказ. Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя, перекидывал его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей лульки; наконец поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чем не бывало, побежал далее.

²⁰ Колядовать у нас называется петь под окнами накануне Рождества песни, которые называются колядками. Тому, кто колядует, всегда кинет в мешок хозяйка, или хозяин, или кто остается дома колбасу, или хлеб, или медный грош, чем кто богат. Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за бога, и что будто от того пошли и колядки. Кто его знает? Не нам, простым людям, об этом толковать. Прошлый год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, что будто сим народ угождает сатане. Однако ж если сказать правду, то в колядках и слова нет про Коляду. Поют часто про рождество Христа; а при конце желают здоровья хозяину, хозяйке, детям и всему дому. *Замечание пасичника. (Примеч. Н. В. Гоголя.)*

²¹ Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед – все немец. *(Примеч. Н. В. Гоголя.)*

В Диканьке никто не слышал, как черт украл месяц. Правда, волостной писарь, выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том все село; но миряне качали головами и даже подымали его на смех. Но какая же была причина решиться черту на такое беззаконное дело? А вот какая: он знал, что богатый козак Чуб приглашен дьяком на кутью, где будут: голова; приехавший из архиерейской певческой родич дьяка в синем сюртуке, бравший самого низкого баса; козак Свербыгуз и еще кое-кто; где, кроме кутьи, будет варенуха, перегонная на шафран водка и много всякого съестного. А между тем его дочка, красавица на всем селе, останется дома, а к дочке, наверное, придет кузнец, силач и детина хоть куда, который черту был противнее проповедей отца Кондрата. В досужее от дел время кузнец занимался малеванием и слыл лучшим живописцем во всем округе. Сам еще тогда здорововавший сотник Л...ко вызывал его нарочно в Полтаву выкрасить дощатый забор около его дома. Все миски, из которых диканьские козаки хлебали борщ, были размалеваны кузнецом. Кузнец был богобоязливый человек и писал часто образа святых; и теперь еще можно найти в Т... церкви его евангелиста Луку. Но торжеством его искусства была одна картина, намалеванная на стене церковной в правом притворе, в которой изобразил он святого Петра в день Страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа; испуганный черт метался во все стороны, предчувствуя свою гибель, а заключенные прежде грешники били и гоняли его кнутами, пеленами и всем чем ни попало. В то время, когда живописец трудился над этою картиною и писал ее на большой деревянной доске, черт всеми силами старался мешать ему: толкал невидимо под руку, подымал из горнила в кузнице золу и обсыпал ею картину; но, несмотря на все, работа была кончена, доска внесена в церковь и вделана в стену притвора, и с той поры черт поклялся мстить кузнецу.

Одна только ночь оставалась ему шататься на белом свете; но и в эту ночь он выискивал чем-нибудь выместить на кузнеце свою злобу. И для этого решился украсть месяц, в той надежде, что старый Чуб ленив и не легок на подъем, к дьяку же от избы не так близко: дорога шла по-за селом, мимо мельниц, мимо кладбища, огибала овраг. Еще при месячной ночи варенуха и водка, настоянная на шафран, могла бы заманить Чуба, но в такую темноту вряд ли бы удалось кому стащить его с печки и вызвать из хаты. А кузнец, который был издавна не в ладах с ним, при нем ни за что не отважится идти к дочке, несмотря на свою силу.

Таким-то образом, как только черт спрятал в карман свой месяц, вдруг по всему миру сделалось так темно, что не всякий бы нашел дорогу к шинку, не только к дьяку. Ведьма, увидевши себя вдруг в темноте, вскрикнула. Тут черт, подъехавши мелким бесом, подхватил ее под руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что обыкновенно нашептывают всему женскому роду. Чудно устроено на нашем свете! Все, что ни живет в нем, все силится перенимать и передразнивать один другого. Прежде, бывало, в Миргороде один судья да городничий хаживали зимою в крытых сукном тулупах, а все мелкое чиновничество носило просто нагольные; теперь же и заседатель и подкоморий отсмалили себе новые шубы из решетилловских смушек с суконною крышкой. Канцелярист и волостной писарь третьего году взяли синей китайки по шести гривен аршин. Пономарь сделал себе нанковые на лето шаровары и жилет из полосатого гаруса. Словом, все лезет в люди! Когда эти люди не будут суетны! Можно побиться об заклад, что многим покажется удивительно видеть черта, пустившегося и себе туда же. Досаднее всего то, что он, верно, воображает себя красавцем, между тем как фигура – взглянуть совестно. Рожа, как говорит Фома Григорьевич, мерзость мерзостью, однако ж и он строит любовные куры! Но на небе и под небом так сделалось темно, что ничего нельзя уже было видеть, что происходило далее между ними.

– Так ты, кум, еще не был у дьяка в новой хате? – говорил козак Чуб, выходя из дверей своей избы, сухощавому, высокому, в коротком тулупе, мужику с обросшею бородою, показывавшею, что уже более двух недель не прикасался к ней обломок косы, которым обыкновенно

мужики бреют свою бороду за неимением бритвы. – Там теперь будет добрая попойка! – продолжал Чуб, ослабив при этом свое лицо. – Как бы только нам не опоздать.

При сем Чуб поправил свой пояс, перехватывавший плотно его тулуп, нахлобучил крепче свою шапку, стиснул в руке кнут – страх и грозу докучливых собак; но, взглянув вверх, остановился...

– Что за дьявол! Смотри! смотри, Панас!..

– Что? – произнес кум и поднял свою голову также вверх.

– Как что? месяца нет!

– Что за пропасть! В самом деле нет месяца.

– То-то что нет, – выговорил Чуб с некоторою досадою на неизменное равнодушие кума. – Тебе небось и нужды нет.

– А что мне делать!

– Надобно же было, – продолжал Чуб, утирая рукавом усы, – какому-то дьяволу, чтоб ему не довелось, собаке, поутру рюмки водки выпить, вмешаться!.. Право, как будто на смех... Нарочно, сидевши в хате, глядел в окно: ночь – чудо! Светло, снег блещет при месяце. Все было видно, как днем. Не успел выйти за дверь – и вот, хоть глаз выколи!

Чуб долго еще ворчал и бранился, а между тем в то же время раздумывал, на что бы решиться. Ему до смерти хотелось покалякать о всяком вздоре у дьяка, где, без всякого сомнения, сидел уже и голова, и приезжий бас, и дегтярь Микита, ездивший через каждые две недели в Полтаву на торги и отпускавший такие шутки, что все миряне брались за животы со смеху. Уже видел Чуб мысленно стоявшую на столе варенуху. Все это было заманчиво, правда; но темнота ночи напомнила ему о той лени, которая так мила всем козакам. Как бы хорошо теперь лежать, поджавши под себя ноги, на лежанке, курить спокойно люльку и слушать сквозь упоительную дремоту колядки и песни веселых парубков и девушек, толпящихся кучами под окнами. Он бы, без всякого сомнения, решился на последнее, если бы был один, но теперь обоим не так скучно и страшно идти темною ночью, да и не хотелось-таки показаться перед другими ленивым или трусливым. Окончивши побранки, обратился он снова к куму:

– Так нет, кум, месяца?

– Нет.

– Чудно, право! А дай понюхать табаку. У тебя, кум, славный табак! Где ты берешь его?

– Кой черт, славный! – отвечал кум, закрывая березовую тавлинку, исколотую узорами. –

Старая курица не чихнет!

– Я помню, – продолжал все так же Чуб, – мне покойный шинкарь Зузуля раз привез табаку из Нежина. Эх, табак был! добрый табак был! Так что же, кум, как нам быть? ведь темно на дворе.

– Так, пожалуй, останемся дома, – произнес кум, ухватясь за ручку двери.

Если бы кум не сказал этого, то Чуб, верно бы, решился остаться, но теперь его как будто что-то дергало идти наперекор.

– Нет, кум, пойдем! нельзя, нужно идти!

Сказавши это, он уже и досадовал на себя, что сказал. Ему было очень неприятно тащиться в такую ночь; но его утешало то, что он сам нарочно этого захотел и сделал-таки не так, как ему советовали.

Кум, не выразив на лице своем ни малейшего движения досады, как человек, которому решительно все равно, сидеть ли дома или тащиться из дому, обсмотрелся, почесал палочкой батога свои плечи, и два кума отправились в дорогу.

Теперь посмотрим, что делает, оставшись одна, красавица дочка. Оксане не минуло еще и семнадцати лет, как во всем почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и речей было, что про нее. Парубки гуртом провозгласили, что лучшей девки и не было еще никогда и не будет никогда на селе. Оксана знала и слышала все, что про нее говорили,

и была капризна, как красавица. Если бы она ходила не в плахте и запаске, а в каком-нибудь капоте, то разогнала бы всех своих девок. Парубки гонялись за нею толпами, но, потерявши терпение, оставляли мало-помалу и обращались к другим, не так избалованным. Один только кузнец был упрям и не оставлял своего волокитства, несмотря на то что и с ним поступаемо было ничуть не лучше, как с другими.

Мир, открывавшийся в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (сказочная повесть «Ночь перед Рождеством» вошла в эту первую книгу писателя), имел мало общего с реальной действительностью, в которой в детские годы жил Гоголь. Это был веселый, радостный, беспечный мир волшебной сказки. Здесь свет побеждает тьму, добро оказывается сильнее зла, любовь торжествует над ненавистью. Все радуются жизни – люди, ведьмы, русалки, черти. И если темные силы пытаются навредить человеку, они неизбежно терпят крах. Фантастическое и реальное смешано в причудливом контексте.

По выходе отца своего она долго еще принаряживалась и жеманилась перед небольшим в оловянных рамках зеркалом и не могла налюбоваться собою. «Что людям вздумалось расславлять, будто я хороша? – говорила она, как бы рассеянно, для того только, чтобы об чем-нибудь поболтать с собою. – Лгут люди, я совсем не хороша». Но мелькнувшее в зеркале свежее, живое в детской юности лицо с блестящими черными глазами и невыразимо приятной усмешкой, прожигавшей душу, вдруг доказало противное. «Разве черные брови и очи мои, – продолжала красавица, не выпуская зеркала, – так хороши, что уже равных им нет и на свете? Что тут хорошего в этом вздернутом кверху носе? и в щеках? и в губах? Будто хороши мои черные косы? Ух! их можно испугаться вечером: они, как длинные змеи, перевилились и обвилились вокруг моей головы. Я вижу теперь, что я совсем не хороша! – И, отодвигая несколько подальше от себя зеркало, вскрикнула: – Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого буду женою! Как будет любоваться мною мой муж! Он не вспомнит себя. Он зацелует меня насмерть».

– Чудная девка! – прошептал вошедший тихо кузнец. – И хвостовства у нее мало! С час стоит, глядясь в зеркало, и не наглядится, и еще хвалит себя вслух!

«Да, парубки, вам ли чета я? вы поглядите на меня, – продолжала хорошенькая кокетка, – как я плавно выступаю: у меня сорочка шита красным шелком. А какие ленты на голове! Вам век не увидеть богаче галуна! Все это накопил мне отец мой для того, чтобы на мне женился самый лучший молодец на свете!» И, усмехнувшись, поворотилась она в другую сторону и увидела кузнеца...

Вскрикнула и сурово остановилась перед ним.

Кузнец и руки опустил.

Трудно рассказать, что выражало смугловатое лицо чудной девушки: и суровость в нем была видна, и сквозь суровость какая-то издевка над смутившимся кузнецом, и едва заметная краска досады тонко разливалась по лицу; и все это так смешалось и так было неизобразимо хорошо, что расцеловать ее миллион раз – вот все, что можно было сделать тогда наилучшего.

– Зачем ты пришел сюда? – так начала говорить Оксана. – Разве хочется, чтобы выгнала за дверь лопатою? Вы все мастера подъезжать к нам. Вмиг пронюхаете, когда отцов нет дома. О, я знаю вас! Что, сундук мой готов?

– Будет готов, мое серденько, после праздника будет готов. Если бы ты знала, сколько возился около него: две ночи не выходил из кузницы; зато ни у одной поповны не будет такого сундука. Железо на оковку положил такое, какого не клал на сотникову таратайку, когда ходил на работу в Полтаву. А как будет расписан! Хоть весь околоток выходи своими беленькими ножками, не найдешь такого! По всему полю будут раскиданы красные и синие цветы. Гореть будет, как жар. Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядеть на тебя!

– Кто ж тебе запрещает, говори и гляди!

Тут села она на лавку и снова взглянула в зеркало и стала поправлять на голове свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шелком, и тонкое чувство самодовольствия выразилось на устах, на свежих ланитах и отсветилось в очах.

– Позволь и мне сесть возле тебя! – сказал кузнец.

– Садись, – проговорила Оксана, сохраняя в устах и в довольных очах то же самое чувство.

– Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцеловать тебя! – произнес ободренный кузнец и прижал ее к себе, в намерении схватить поцелуй. Но Оксана отклонила свои щеки, находившиеся уже на не приметном расстоянии от губ кузнеца, и оттолкнула его.

– Чего тебе еще хочется? Ему когда мед, так и ложка нужна! Поди прочь, у тебя руки жестче железа. Да и сам ты пахнешь дымом. Я думаю, меня всю обмарал сажею.

Тут она поднесла зеркало и снова начала перед ним охорашиваться.

«Не любит она меня, – думал про себя, повеся голову, кузнец. Ей всё игрушки; а я стою перед нею как дурак и очей не свожу с нее. И всё бы стоял перед нею, и век бы не сводил с нее очей! Чудная девка! чего бы я не дал, чтобы узнать, что у нее на сердце, кого она любит! Но нет, ей и нужды нет ни до кого. Она любит себя сама собою: мучит меня, бедного; а я за грустью не вижу света; а я ее так люблю, как ни один человек на свете не любил и не будет никогда любить».

– Правда ли, что твоя мать ведьма? – произнесла Оксана и засмеялась; и кузнец почувствовал, что внутри его все засмеялось. Смех этот как будто разом отозвался в сердце и в тихо вострепнувших жилах, и со всем тем досада запала в его душу, что он не во власти расцеловать так приятно засмеявшееся лицо.

– Что мне до матери? Ты у меня мать, и отец, и все, что ни есть дорогого на свете. Если б меня призвал царь и сказал: «Кузнец Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшего в моем царстве, все отдам тебе. Прикажу тебе сделать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами». – «Не хочу, – сказал бы я царю, – ни каменьев дорогих, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства: дай мне лучше мою Оксану!»

– Видишь, какой ты! Только отец мой сам не промах. Увидишь, когда он не женится на твоей матери, – проговорила, лукаво усмехнувшись, Оксана. – Однако ж дивчата не приходят... Что б это значило? Давно уже пора колядовать. Мне становится скучно.

– Бог с ними, моя красавица!

– Как бы не так! с ними, верно, придут парубки. Тут-то пойдут балы. Воображаю, каких наговорят смешных историй!

– Так тебе весело с ними?

– Да уж веселее, чем с тобою. А! кто-то стукнул; верно, дивчата с парубками.

«Чего мне больше ждать? – говорил сам с собою кузнец. – Она издевается надо мною. Ей я столько же дорог, как перержавевшая подкова. Но если ж так, не достанется, по крайней мере, другому посмеяться надо мною. Пусть только я наверное замечу, кто ей нравится более моего; я отучу...»

Стук в двери и резко зазвучавший на морозе голос: «Отвори!» – прервал его размышления.

– Постой, я сам отворю, – сказал кузнец и вышел в сени, в намерении отломать с досады бока первому попавшемуся человеку.

Мороз увеличился, и вверху так сделалось холодно, что черт перепрыгивал с одного копытца на другое и дул себе в кулак, желая сколько-нибудь отогреть мерзнувшие руки. Немудрено, однако ж, и смерзнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, не так холодно, как у нас зимою, и где, надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр, поджаривал он грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на Рождество колбасу.

Ведьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то что была тепло одета; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя в такое положение, как человек, летящий на коньках, не сдвинувшись ни одним суставом, спустилась по воздуху, будто по ледяной покато́й горе, и прямо в трубу.

Черт таким же порядком отправился вслед за нею. Но так как это животное проворнее всякого франта в чулках, то немудрено, что он наехал при самом входе в трубу на шею своей любовницы, и оба очутились в просторной печке между горшками.

Сказка перемешана с настоящей жизнью, персонажи наделены характерами, которые встретишь в каждом хуторе. Эти живые люди, попадая в сказочный мир, чувствуют себя в нем также уютно и свободно, как и в родной хате.

Путешественница отодвинула потихоньку заслонку, поглядеть, не назвал ли сын ее Вакула в хату гостей, но, увидевши, что никого не было, выключая только мешки, которые лежали посередине хаты, вылезла из печки, скинула теплый кожух, оправилась, и никто бы не мог узнать, что она за минуту назад ездила на метле.

Мать кузнеца Вакулы имела от роду не больше сорока лет. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно и быть хорошею в такие годы. Однако ж она так умела причаровать к себе самых степенных козаков (которым, не мешая, между прочим, заметить, мало было нужды до красоты), что к ней хаживал и голова, и дьяк Осип Никифорович (конечно, если дьячихи не было дома), и козак Корний Чуб, и козак Касьян Свербыгуз. И, к чести ее сказать, она умела искусно обходиться с ними. Ни одному из них и в ум не приходило, что у него есть соперник. Шел ли набожный мужик, или дворянин, как называют себя козаки, одетый в кобеняк с видлогою, в воскресенье в церковь или, если дурная погода, в шинок, – как не зайти к Солохе, не поесть жирных с сметаною вареников и не поболтать в теплой избе с говорливой и угодливой хозяйкой. И дворянин нарочно для этого давал большой крюк, прежде чем достигал шинка, и называл это – заходить по дороге. А пойдет ли, бывало, Солоха в праздник в церковь, надевши яркую плахту с китайчатою запаскою, а сверх ее синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станет прямо близ правого крылоса, то дьяк уже верно закашливался и прищуривал невольно в ту сторону глаза; голова гладил усы, заматывал за ухо оселедец и говорил стоявшему близ его соседу: «Эх, добрая баба! черт-баба!»

Солоха кланялась каждому, и каждый думал, что она кланяется ему одному. Но охотник мешаться в чужие дела тотчас бы заметил, что Солоха была приветливее всего с козаком Чубом. Чуб был вдов. Восемь скирд хлеба всегда стояли перед его хатою. Две пары дюжих волов всякий раз высовывали свои головы из плетеного сарая на улицу и мычали, когда завидывали шедшую куму – корову, или дядю – толстого быка. Бородатый козел взбирался на самую крышу и дребезжал оттуда резким голосом, как городничий, дразня выступавших по двору

индеек и оборачиваясь задом, когда завидывал своих неприятелей, мальчишек, издевавшихся над его бородою. В сундуках у Чуба водилось много полотна, жупанов и старинных кунтушей с золотыми галунами; покойная жена его была щеголиха. В огороде, кроме маку, капусты, подсолнечников, засевалось еще каждый год две нивы табаку. Все это Солоха находила не лишним присоединить к своему хозяйству, заранее размышляя о том, какой оно примет порядок, когда перейдет в ее руки, и удвоила благосклонность к старому Чубу. А чтобы каким-нибудь образом сын ее Вакула не подъехал к его дочери и не успел прибрать всего себе, и тогда бы наверно не допустил ее мешаться ни во что, она прибегнула к обыкновенному средству всех сорокалетних кумушек: ссорить как можно чаще Чуба с кузнецом. Может быть, эти самые хитрости и сметливость ее были виною, что кое-где начали поговаривать старухи, особливо когда выпивали где-нибудь на веселой сходке лишнее, что Солоха точно ведьма; что парубок Кизяколупенко видел у нее сзади хвост величиною не более бабьего веретена; что она еще в позапрошлый четверг черною кошкою перебежала дорогу; что к попадье раз прибежала свинья, закричала петухом, надела на голову шапку отца Кондрата и убежала назад.

Ведьма – женщина, владеющая колдовскими способностями. Чаще всего в сказке – это чародейка с длинными распущенными волосами, она умеет летать на метле и превращаться в животных и птиц. Ведьмы могут быть добрыми и злыми; добрые – помогают людям, лечат их, оберегают от неприятностей, злые – наводят порчу на людей, мучают скотину, портят урожай.

Случилось, что тогда, когда старушки толковали об этом, пришел какой-то коровий пастух Тымиш Коростявый. Он не преминул рассказать, как летом, перед самою петровкой, когда он лег спать в хлеву, подмостивши под голову солому, видел собственными глазами, что ведьма, с распущенною косою, в одной рубашке, начала доить коров, а он не мог пошевелиться, так был околдован; подоивши коров, она пришла к нему и помазала его губы чем-то таким гадким, что он плевал после того целый день. Но все это что-то сомнительно, потому что один только сорочинский заседатель может увидеть ведьму. И оттого все именитые козаки махали руками, когда слышали такие речи. «Брежут сучьи бабы!» – бывал обыкновенный ответ их.

Вылезши из печки и оправившись, Солоха, как добрая хозяйка, начала убирать и ставить все к своему месту, но мешков не тронула: «Это Вакула принес, пусть же сам и вынесет!» Черт между тем, когда еще влетал в трубу, как-то нечаянно оборотившись, увидел Чуба об руку с кумом, уже далеко от избы. Вмиг вылетел он из печки, перебежал им дорогу и начал разрывать со всех сторон кучи замерзшего снега. Поднялась метель. В воздухе забелело. Снег метался взад и вперед сетью и угрожал залепить глаза, рот и уши пешеходам. А черт улетел снова в трубу, в твердой уверенности, что Чуб возвратится вместе с кумом назад, застанет кузнеца и отпотчует его так, что он долго будет не в силах взять в руки кисть и малевать обидные карикатуры.

В самом деле, едва только поднялась метель, и ветер стал резать прямо в глаза, как Чуб уже изъясил раскаяние и, нахлобучивая глубже на голову капелюхи, угощал побранками себя, черта и кума. Впрочем, эта досада была притворная. Чуб очень рад был поднявшейся метели. До дьяка еще оставалось в восемь раз больше того расстояния, которое они прошли. Путешественники поворотили назад. Ветер дул в затылок; но сквозь метущий снег ничего не было видно.

– Стой, кум! мы, кажется, не туда идем, – сказал, немного отошедши, Чуб, – я не вижу ни одной хаты. Эх, какая метель! Свороти-ка ты, кум, немного в сторону, не найдешь ли дороги; а я тем временем поищу здесь. Дернет же нечистая сила потаскаться по такой выюге! Не забудь закричать, когда найдешь дорогу. Эх, какую кучу снега напустил в очи сатана!

Дороги, однако ж, не было видно. Кум, отошедши в сторону, бродил в длинных сапогах взад и вперед и наконец набрел прямо на шинок. Эта находка так его обрадовала, что он позабыл все и, стряхнув с себя снег, вошел в сени, нимало не беспокоясь об оставшемся на улице куме. Чубу показалось между тем, что он нашел дорогу; остановившись, принялся он кричать во все горло, но, видя, что кум не является, решил идти сам. Немного пройдя, увидел он свою хату. Сугробы снега лежали около нее и на крыше. Хлопая намерзнувшими на холоде руками, принялся он стучать в дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть ее.

– Чего тебе тут нужно? – сурово закричал вышедший кузнец.

Чуб, узнавши голос кузнеца, отступил несколько назад. «Э, нет, это не моя хата, – говорил он про себя, – в мою хату не забредет кузнец. Опять же, если присмотреться хорошенько, то и не кузнецова. Чья бы была это хата? Вот на! не распознал! это хромого Левченка, который недавно женился на молодой жене. У него одного только хата похожа на мою. То-то мне показалось и сначала немного чудно, что так скоро пришел домой. Однако ж Левченко сидит теперь у дьяка, это я знаю; зачем же кузнец?.. Э-ге-ге! он ходит к его молодой жене. Вот как! хорошо!.. теперь я все понял».

– Кто ты такой и зачем таскаешься под дверями? – произнес кузнец суровее прежнего и подоидя ближе.

«Нет, не скажу ему, кто я, – подумал Чуб, – чего доброго, еще приколотит, проклятый выродок!» – и, переменив голос, отвечал:

– Это я, человек добрый! пришел вам на забаву поколядовать немного под окнами.

– Убирайся к черту с своими колядками! – сердито закричал Вакула. – Что ж ты стоишь? Слышишь, убирайся сей же час вон!

Чуб сам уже имел это благоразумное намерение; но ему досадно показалось, что принужден слушаться приказаний кузнеца. Казалось, какой-то злой дух толкал его под руку и вынуждал сказать что-нибудь наперекор.

– Что ж ты, в самом деле, так раскричался? – произнес он тем же голосом. – Я хочу колядовать, да и полно!

– Эге! да ты от слов не уймешься!.. – Вслед за сими словами Чуб почувствовал пребольной удар в плечо.

– Да вот это ты, как я вижу, начинаешь уже драться! – произнес он, немного отступая.
– Пошел, пошел! – кричал кузнец, наградив Чуба другим толчком.
– Что ж ты! – произнес Чуб таким голосом, в котором изображалась и боль, и досада, и робость. – Ты, вижу, не в шутку дерешься, и еще больно дерешься!
– Пошел, пошел! – закричал кузнец и захлопнул дверь.
– Смотри, как расхрабрился! – говорил Чуб, оставшись один на улице. – Попробуй подойди! вишь, какой! вот большая цаца! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Нет, голубчик, я пойду, и пойду прямо к комиссару. Ты у меня будешь знать! Я не посмотрю, что ты кузнец и маляр. Однако ж посмотреть на спину и плечи: я думаю, синие пятна есть. Должно быть, больно поколотил, вражий сын! Жаль, что холодно и не хочется скинуть кожуха! Пстой ты, бесовский кузнец, чтоб черт поколотил и тебя, и твою кузницу, ты у меня напляшешься! Вишь, проклятый шибеник! Однако ж ведь теперь его нет дома. Солоха, думаю, сидит одна. Гм... оно ведь недалеко отсюда; пойти бы! Время теперь такое, что нас никто не застанет. Может, и того, будет можно... Вишь, как больно поколотил проклятый кузнец!

Традиционно все ведьмы летают на шабаш на Лысую гору, где занимаются колдовством и строят коварные заговоры. Большинство ведьм знают магию, обладают тайными знаниями о целебных и ядовитых растениях, приручают животных, им известны свойства природных женских сил. По народным представлениям ведьмы несли в себе две сути, иногда совершенно независимые друг от друга – человеческую и демоническую.

Тут Чуб, почесав свою спину, отправился в другую сторону. Приятность, ожидавшая его впереди при свидании с Солохой, умаливала немного боль и делала нечувствительным и самый мороз, который трещал по всем улицам, не заглушаемый выюжным свистом. По временам на лице его, которого бороду и усы метель намылила снегом проворнее всякого цирюльника, тирански хватающего за нос свою жертву, показывалась полусладкая мина. Но если бы, однако ж, снег не крестил взад и вперед всего перед глазами, то долго еще можно было бы видеть, как Чуб останавливался, почесывал спину, произносил: «Больно поколотил проклятый кузнец!» – и снова отправлялся в путь.

В то время, когда проворный фронт с хвостом и козлиною бородою летал из трубы и потом снова в трубу, висевшая у него на перевязи при боку ладунка, в которую он спрятал украденный месяц, как-то нечаянно зацепившись в печке, растворилась, и месяц, пользуясь этим случаем, вылетел через трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Все осветилось. Метели как не бывало. Снег загорелся широким серебряным полем и весь обсыпался хрустальными звездами. Мороз как бы потеплел. Толпы парубков и девушек показались с мешками. Песни зазвенели, и под редкою хатою не толпились колядующие.

Чудно блещет месяц! Трудно рассказать, как хорошо потолкаться в такую ночь между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, готовыми на все шутки и выдумки, какие может только внушить весело смеющаяся ночь. Под плотным кожухом тепло; от мороза еще живее горят щеки; а на шалости сам лукавый подталкивает сзади.

Кучи девушек с мешками вломились в хату Чуба, окружили Оксану. Крик, хохот, рассказы оглушили кузнеца. Все наперерыв спешили рассказать красавице что-нибудь новое, выгружали мешки и хвастались паляницами, колбасами, варениками, которых успели уже набрать довольно за свои колядки. Оксана, казалось, была в совершенном удовольствии и радости, болтала то с той, то с другою и хохотала без умолку. С какой-то досадою и завистью глядел кузнец на такую веселость и на этот раз проклинал колядки, хотя сам бывал от них без ума.

– Э, Одарка! – сказала веселая красавица, оборотившись к одной из девушек. – У тебя новые черевички! Ах, какие хорошие! и с золотом! Хорошо тебе, Одарка, у тебя есть такой человек, который все тебе покупает; а мне некому достать такие славные черевички.

– Не тужи, моя ненаглядная Оксана! – подхватил кузнец. – Я тебе достану такие черевички, какие редкая панночка носит.

– Ты? – сказала, скоро и надменно поглядев на него, Оксана. – Посмотрю я, где ты достанешь черевички, которые могла бы я надеть на свою ногу. Разве принесешь те самые, которые носит царица.

– Видишь, каких захотела! – закричала со смехом девичья толпа.

– Да, – продолжала гордо красавица, – будьте все вы свидетельницы: если кузнец Вакула принесет те самые черевички, которые носит царица, то вот мое слово, что выйду тот же час за него замуж.

Девушки увели с собою капризную красавицу.

– Смейся, смейся! – говорил кузнец, выходя вслед за ними. – Я сам смеюсь над собою! Думаю, и не могу вздумать, куда девался ум мой. Она меня не любит, – ну бог с ней! будто только на всем свете одна Оксана. Слава богу, дивчат много хороших и без нее на селе. Да что Оксана? с нее никогда не будет доброй хозяйки: она только мастерица рядиться. Нет, полно, пора перестать дурачиться.

Но в самое то время, когда кузнец готовился быть решительным, какой-то злой дух проносил пред ним смеющийся образ Оксаны, говорившей насмешливо: «Достань, кузнец, царицыны черевички, выйду за тебя замуж!» Все в нем волновалось, и он думал только об одной Оксане.

Толпы колядующих, парубки особо, девушки особо, спешили из одной улицы в другую. Но кузнец шел и ничего не видал и не участвовал в тех веселостях, которые когда-то любил более всех.

Черт между тем не на шутку развежился у Солохи: целовал ее руку с такими ужимками, как заседатель у поповны, брался за сердце, охал и сказал напрямик, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, как водится, наградить, то он готов на все: кинется в воду, а душу отправит прямо в пекло. Солоха была не так жестока, притом же черт, как известно, действовал с нею заодно. Она таки любила видеть волочившуюся за собою толпу и редко бывала без компании; этот вечер, однако ж, думала провести одна, потому что все именитые обитатели

села званы были на кутью к дьяку. Но все пошло иначе: черт только что представил свое требование, как вдруг послышался голос дюжего головы. Солоха побежала отворить дверь, а проворный черт влез в лежавший мешок.

Голова, стряхнув с своих капелею снег и выпивши из рук Солохи чарку водки, рассказал, что он не пошел к дьяку, потому что поднялась метель; а увидевши свет в ее хате, завернул к ней, в намерении провести вечер с нею.

Не успел голова это сказать, как в дверь послышался стук и голос дьяка.

– Спрячь меня куда-нибудь, – шептал голова. – Мне не хочется теперь встретиться с дьяком.

Солоха думала долго, куда спрятать такого плотного гостя; наконец выбрала самый большой мешок с углем; уголь высыпала в кадку, и дюжий голова влез с усами, с головою и с капелею в мешок.

Дьяк вошел, покряхтывая и потирая руки, и рассказал, что у него не был никто и что он сердечно рад этому случаю погулять немного у нее и не испугался метели. Тут он подошел к ней ближе, кашлянул, усмехнулся, дотронулся своими длинными пальцами до ее обнаженной правой руки и произнес с таким видом, в котором выказывалось и лукавство и самодовольствие:

– А что это у вас, великолепная Солоха? – И, сказавши это, отскочил он несколько назад.

– Как что? Рука, Осип Никифорович! – отвечала Солоха.

– Гм! рука! хе! хе! хе! – произнес сердечно довольный своим началом дьяк и прошелся по комнате.

– А это что у вас, дражайшая Солоха? – произнес он с таким же видом, приступив к ней снова и схватив ее слегка рукою за шею и таким же порядком отскочив назад.

– Будто не видите, Осип Никифорович! – отвечала Солоха. – Шея, а на шее монисто.

– Гм! на шее монисто! хе! хе! хе! – И дьяк снова прошелся по комнате, потирая руки.

– А это что у вас, несравненная Солоха?.. – Неизвестно, к чему бы теперь притронулся дьяк своими длинными пальцами, как вдруг послышался в дверь стук и голос козака Чуба.

– Ах, боже мой, стороннее лицо! – закричал в испуге дьяк. – Что теперь, если застанут особу моего звания?.. Дойдет до отца Кондрата!..

Но опасения дьяка были другого рода: он боялся более того, чтобы не узнала его половина, которая и без того страшную рукою своею сделала из его толстой косы самую узенькую.

– Ради бога, добродетельная Солоха, – говорил он, дрожа всем телом. – Ваша доброта, как говорит писание Луки, глава трина... трин... Стучатся, ей-богу, стучатся! Ох, спрячьте меня куда-нибудь!

Солоха высыпала уголь в кадку из другого мешка, и не слишком объемистый телом дьяк влез в него и сел на самое дно, так что сверх его можно было насыпать еще с полмешка угля.

– Здравствуй, Солоха! – сказал, входя в хату, Чуб. – Ты, может быть, не ожидала меня, а? правда, не ожидала? может быть, я помешал?.. – продолжал Чуб, показав на лице своем веселую и значительную мину, которая заранее давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь колкую и затейливую шутку. – Может быть, вы тут забавлялись с кем-нибудь?.. может быть, ты кого-нибудь спрятала уже, а? – И, восхищенный таким своим замечанием, Чуб засмеялся, внутренне торжествуя, что он один только пользуется благосклонностию Солохи. – Ну, Солоха, дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замерзло от проклятого морозу. Послал же Бог такую ночь перед Рождеством! Как схватилась, слышишь, Солоха, как схватилась... эх окостенели руки: не расстегну кожуха! как схватилась выюга...

– Отвори! – раздался на улице голос, сопровождаемый толчком в дверь.

– Стучит кто-то, – сказал остановившийся Чуб.

– Отвори, – закричали сильнее прежнего.

– Это кузнец! – произнес, схватясь за капелюхи, Чуб. – Слышишь, Солоха, куда хочешь девай меня; я ни за что на свете не захочу показаться этому выродку проклятому, чтоб ему набежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырю в копну величиною!

Солоха, испугавшись сама, металась как угорелая и, позабывшись, дала знак Чубу лезть в тот самый мешок, в котором сидел уже дьяк. Бедный дьяк не смел даже изъяснить кашлем и кряхтением боли, когда сел ему почти на голову тяжелый мужик и поместил свои намерзнувшие на морозе сапоги по обеим сторонам его висков.

Кузнец вошел, не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Заметно, что он был весьма не в духе.

В то самое время, когда Солоха затворяла за ним дверь, кто-то постучался снова. Это был козак Свербыгуз. Этого уже нельзя было спрятать в мешок, потому что и мешка такого нельзя было найти. Он был погрузнее телом самого головы и повыше ростом Чубова кума. И потому Солоха вывела его в огород, чтобы выслушать от него все то, что он хотел ей объявить.

Кузнец рассеянно оглядывал углы своей хаты, вслушиваясь по временам в далеко разносившиеся песни колядующих; наконец остановил глаза на мешках: «Зачем тут лежат эти мешки? их давно бы пора убрать отсюда. Через эту глупую любовь я одурел совсем. Завтра праздник, а в хате до сих пор лежит всякая дрянь. Отнести их в кузницу!»

Тут кузнец присел к огромным мешкам, перевязал их крепче и готовился взвалить себе на плечи. Но заметно было, что его мысли гуляли бог знает где, иначе он бы услышал, как зашипел Чуб, когда волоса на голове его прикрутила завязавшая мешок веревка, и дюжий голова начал было икать довольно явственно.

– Неужели не выбьется из ума моего эта негодная Оксана? – говорил кузнец. – Не хочу думать о ней; а все думается, и, как нарочно, о ней одной только. Отчего это так, что дума против воли лезет в голову? Кой черт, мешки стали как будто тяжелее прежнего! Тут, верно, положено еще что-нибудь кроме угля. Дурень я! я и позабыл, что теперь мне все кажется тяжелее. Прежде, бывало, я мог согнуть и разогнуть в одной руке медный пятак и лошадиную подкову; а теперь мешков с углем не подыму. Скоро буду от ветра валиться. Нет, – вскричал он, помолчав и ободрившись, – что я за баба! Не дам никому смеяться над собою! Хоть десять таких мешков, все подыму. – И бодро взвалил себе на плеча мешки, которых не понесли бы два дюжих человека. – Взять и этот, – продолжал он, подымая маленький, на дне которого лежал, свернувшись, черт. – Тут, кажется, я положил струмент свой. – Сказав это, он вышел вон из хаты, насвистывая песню:

Мені с жінкой не возиться.

Шумнее и шумнее раздавались по улицам песни и крики. Толпы толкавшегося народа были увеличены еще пришедшими из соседних деревень. Парубки шалили и бесились вволю. Часто между колядками слышалась какая-нибудь веселая песня, которую тут же успел сложить кто-нибудь из молодых козаков. То вдруг один из толпы вместо колядки отпуская шедровку и ревел во все горло:

Щедрик, ведрик!
Дайте вареник,
Грудочку кашки,
Кільце ковбаски!

Хохот награждал затейника. Маленькие окна подымались, и сухошающая рука старухи, которые одни только вместе с степенными отцами оставались в избах, высовывалась из окошка с колбасою в руках или куском пирога. Парубки и девушки наперерыв подставляли мешки и

ловили свою добычу. В одном месте парубки, зашедши со всех сторон, окружали толпу девушек: шум, крик, один бросал комом снега, другой вырывал мешок со всякой всячиной. В другом месте девушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и он летел вместе с мешком стремглав на землю. Казалось, всю ночь напролет готовы были провеселиться. И ночь, как нарочно, так роскошно теплилась! и еще белее казался свет месяца от блеска снега.

Кузнец Вакула, несмотря на то, что его мать Солоха – настоящая ведьма, летающая на метле и таскающая с ночного небосклона звезды, очень набожен. Он давно влюблен в капризную дивчину Оксану, дочь зажиточного казака Корния Чуба. Для нее смелый кузнец оседлал черта и слетал в Петербург за черевичками царицы для подарка возлюбленной. Огни, кареты, форейторы – ослепительный блеск ночной столицы ошеломляет бедного кузнеца. Этот непривычный мир чужд ему, родина куда милее и краше.

Кузнец остановился с своими мешками. Ему почудился в толпе девушек голос и тоненький смех Оксаны. Все жилки в нем вздрогнули; бросивши на землю мешки так, что находившийся на дне дык заохал от ушибу и голова икнул во все горло, побрел он с маленьким мешком на плечах вместе с толпой парубков, шедших следом за девичьей толпой, между которою ему послышался голос Оксаны.

«Так, это она! стоит, как царица, и блестит черными очами! Ей рассказывает что-то видный парубок; верно, забавное, потому что она смеется. Но она всегда смеется». Как будто невольно, сам не понимая как, протерся кузнец сквозь толпу и стал около нее.

– А, Вакула, ты тут! здравствуй! – сказала красавица с той же самой усмешкой, которая чуть не сводила Вакулу с ума. – Ну, много наколядовал? Э, какой маленький мешок! А черевички, которые носит царица, достал? достань черевички, выйду замуж! – И, засмеявшись, убежала с толпой.

Как вкопанный стоял кузнец на одном месте. «Нет, не могу; нет сил больше... – произнес он наконец. – Но боже ты мой, отчего она так чертовски хороша? Ее взгляд, и речи, и все, ну вот так и жжет, так и жжет... Нет, невмочь уже пересилить себя! Пора положить конец всему: пропадай душа, пойду утоплюсь в пролубе, и поминай как звали!»

Тут решительным шагом пошел он вперед, догнал толпу, поравнялся с Оксаною и сказал твердым голосом:

– Прощай, Оксана! Ищи себе какого хочешь жениха, дурачь кого хочешь; а меня не увидишь уже больше на этом свете.

Красавица казалась удивленною, хотела что-то сказать, но кузнец махнул рукою и убежал.

– Куда, Вакула? – кричали парубки, видя бегущего кузнеца.

– Прощайте, братцы! – кричал в ответ кузнец. – Даст бог, увидимся на том свете; а на этом уже не гулять нам вместе. Прощайте, не поминайте лихом! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворил панихиду по моей грешной душе. Свечей к иконам чудотворца и Божией Матери, грешен, не обмалевал за мирскими делами. Все добро, какое найдется в моей скрыне, на церковь! Прощайте!

Проговоривши это, кузнец принялся снова бежать с мешком на спине.

– Он повредился! – говорили парубки.

– Пропадшая душа! – набожно пробормотала проходившая мимо старуха. – Пойти рассказать, как кузнец повесился!

Вакула между тем, пробежавши несколько улиц, остановился перевести дух. «Куда я в самом деле бегу? – подумал он. – Как будто уже все пропало. Попробую еще средство: пойду к запорожцу Пузатому Пацюку. Он, говорят, знает всех чертей и все сделает, что захочет. Пойду, ведь душе все же придется пропадать!»

При этом черт, который долго лежал без всякого движения, запрыгал в мешке от радости; но кузнец, подумав, что он как-нибудь зацепил мешок рукою и произвел сам это движение, ударил по мешку дюжим кулаком и, встряхнув его на плечах, отправился к Пузатому Пацюку.

Вакула женится на Оксане и, вдохновленный путешествием в российскую столицу и своей свадьбой, расписывает красками собственную хату и церковь. Дальнейшая биография сказочного героя неизвестна.

Этот Пузатый Пацюк был точно когда-то запорожцем; но выгнали его или он сам убежал из Запорожья, этого никто не знал. Давно уже, лет десять, а может, и пятнадцать, как он жил в Диканьке. Сначала он жил как настоящий запорожец; ничего не работал, спал три четверти дня, ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом почти по целому ведру; впрочем, было где и поместиться, потому что Пацюк, несмотря на небольшой рост, в ширину был довольно увесист. Притом шаровары, которые носил он, были так широки, что, какой бы большой ни сделал он шаг, ног было совершенно не заметно, и казалось – винокурная кадь двигалась по

улице. Может быть, это самое подало повод прозвать его Пузатым. Не прошло нескольких дней после прибытия его в село, как все уже узнали, что он знахарь. Бывал ли кто болен чем, тотчас призывал Пацюка; а Пацюку стоило только пошептать несколько слов, и недуг как будто рукою снимался. Случалось ли, что проголодавшийся дворянин подавился рыбьей костью, Пацюк умел так искусно ударить кулаком в спину, что кость отправлялась куда ей следует, не причинив никакого вреда дворянскому горлу. В последнее время его редко видали где-нибудь. Причина этому была, может быть, лень, а может, и то, что пролезать в двери делалось для него с каждым годом труднее. Тогда миряне должны были отправляться к нему сами, если имели в нем нужду.

Кузнец не без робости отворил дверь и увидел Пацюка, сидевшего на полу по-турецки перед небольшою кадучкою, на которой стояла миска с галушками. Эта миска стояла, как нарочно, наравне с его ртом. Не подвинувшись ни одним пальцем, он наклонил слегка голову к миске и хлебал жижу, схватывая по временам зубами галушки.

«Нет, этот, – подумал Вакула про себя, – еще ленивее Чуба: тот, по крайней мере, ест ложку, а этот и руки не хочет поднять!»

Пацюк, верно, крепко занят был галушками, потому что, казалось, совсем не заметил прихода кузнеца, который, едва ступивши на порог, отвесил ему пренизкий поклон.

– Я к твоей милости пришел, Пацюк! – сказал Вакула, кланяясь снова.

Толстый Пацюк поднял голову и снова начал хлебать галушки.

– Ты, говорят, не во гнев будь сказано... – сказал, собираясь с духом, кузнец. – Я веду об этом речь не для того, чтобы тебе нанести какую обиду, – приходишься немного сродни черту.

Проговоря эти слова, Вакула испугался, подумав, что выразился все еще напрямик и мало смягчил крепкие слова, и, ожидая, что Пацюк, схвативши кадучку вместе с мискою, пошлет ему прямо в голову, отсторонился немного и закрылся рукавом, чтобы горячая жижа с галушек не обрызгала ему лица.

Но Пацюк взглянул и снова начал хлебать галушки. Ободренный кузнец решил продолжить:

– К тебе пришел, Пацюк, дай боже тебе всего, добра всякого в довольствии, хлеба в пропорции! – Кузнец иногда умел ввернуть модное слово; в том он понаторел в бытность еще в Полтаве, когда размалевывал сотнику дощатый забор. – Пропадать приходится мне, грешному! ничто не помогает на свете! Что будет, то будет, приходится просить помощи у самого черта. Что ж, Пацюк? – произнес кузнец, видя неизменное его молчание. – Как мне быть?

– Когда нужно черта, то и ступай к черту! – отвечал Пацюк, не подымая на него глаз и продолжая убирать галушки.

– Для того-то я и пришел к тебе, – отвечал кузнец, отвешивая поклон, – кроме тебя, думаю, никто на свете не знает к нему дороги.

Пацюк ни слова и доедал остальные галушки.

– Сделай милость, человек добрый, не откажи! – наступал кузнец. – Свинины ли, колбас, муки гречневой, ну, полотна, пшена или иного прочего, в случае потребности... как обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся. Расскажи хоть, как, примерно сказать, попасть к нему на дорогу?

– Тому не нужно далеко ходить, у кого черт за плечами, – произнес равнодушно Пацюк, не изменяя своего положения.

Вакула уставил на него глаза, как будто бы на лбу его написано было изъяснение этих слов. «Что он говорит?» – безмолвно спрашивала его мина; а полуотверстый рот готовился проглотить, как галушку, первое слово. Но Пацюк молчал.

Тут заметил Вакула, что ни галушек, ни кадучки перед ним не было; но вместо того на полу стояли две деревянные миски: одна была наполнена варениками, другая сметаню. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. «Посмотрим, – говорил он сам себе, – как

будет есть Пацюк вареники. Наклоняться он, верно, не захочет, чтобы хлебать, как галушки, да и нельзя: нужно вареник сперва обмакнуть в сметану».

Только что он успел это подумать, Пацюк разинул рот, поглядел на вареники и еще сильнее разинул рот. В это время вареник выплеснул из миски, шлепнул в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. Пацюк съел и снова разинул рот, и вареник таким же порядком отправился снова. На себя только принимал он труд жевать и проглатывать.

«Вишь, какое диво!» – подумал кузнец, разинув от удивления рот, и тот же час заметил, что вареник лезет и к нему в рот и уже вымазал губы сметаной. Оттолкнувши вареник и вытерши губы, кузнец начал размышлять о том, какие чудеса бывают на свете и до каких мудростей доводит человека нечистая сила, заметя притом, что один только Пацюк может помочь ему. «Поклонюсь ему, еще пусть растолкует хорошенько... Однако что за черт! ведь сегодня голодная кутья, а он ест вареники, вареники скромные! Что я, в самом деле, за дурак, стою тут и греха набираюсь! Назад!» И набожный кузнец опрометью выбежал из хаты.

Однако ж черт, сидевший в мешке и заранее уже радовавшийся, не мог вытерпеть, чтобы ушла из рук его такая славная добыча. Как только кузнец опустил мешок, он выскочил из него и сел верхом ему на шею.

Мороз подрал по коже кузнеца; испугавшись и побледнев, не знал он, что делать; уже хотел перекреститься... Но черт, наклонив свое собачье рыльце ему на правое ухо, сказал:

– Это я – твой друг, все сделаю для товарища и друга! Денег дам сколько хочешь, – пискнул он ему в левое ухо. – Оксана будет сегодня же наша, – шепнул он, заворотивши свою морду снова на правое ухо.

Кузнец стоял, размышляя.

– Изволь, – сказал он наконец, – за такую цену готов быть твоим!

Черт всплеснул руками и начал от радости галопировать на шее кузнеца. «Теперь-то попался кузнец! – думал он про себя. – Теперь-то я вымещу на тебе, голубчик, все твои малеванья и небылицы, взводимые на чертей! Что теперь скажут мои товарищи, когда узнают, что самый набожнейший из всего села человек в моих руках?» Тут черт засмеялся от радости, вспомнив, как будет дразнить в аде все хвостатое племя, как будет беситься хромой черт, считавшийся между ними первым на выдумки.

Черт – злой дух, подручный дьявола – присутствует в сказках, легендах и былинах многих народов. Он вездесущ, его можно встретить в поле, лесу, на болоте, в избе. Он чаще всего выступает противником главного героя сказки. Обычно черта изображают как человекоподобное существо с рогами, копытами, черной шерстью, свиным пятакон вместо носа и длинным хвостом.

– Ну, Вакула! – пропищал черт, все так же не слезая с шеи, как бы опасаясь, чтобы он не убежал. – Ты знаешь, что без контракта ничего не делают.

– Я готов! – сказал кузнец. – У вас, я слышал, расписываются кровью; постой же, я достану в кармане гвоздь!

Тут он заложил назад руку – и хватил черта за хвост.

– Вишь, какой шутник! – закричал, смеясь, черт. – Ну, полно, довольно уже шалить!

– Постой, голубчик! – закричал кузнец. – А вот это как тебе покажется? – При сем слове он сотворил крест, и черт сделался так тих, как ягненок. – Постой же, – сказал он, стаскивая его за хвост на землю, – будешь ты у меня знать подучивать на грехи добрых людей и честных христиан! – Тут кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения.

– Помилуй, Вакула! – жалобно простонал черт. – Все, что для тебя нужно, все сделаю, отпусти только душу на покаяние: не клади на меня страшного креста!

– А, вот каким голосом запел, немец проклятый! Теперь я знаю, что делать. Вези меня сей же час на себе! слышишь, неси, как птица!

– Куда? – произнес печальный черт.

– В Петембург, прямо к царице!

И кузнец обомлел от страха, чувствуя себя поднимающимся на воздух.

Долго стояла Оксана, раздумывая о странных речах кузнеца. Уже внутри ее что-то говорило, что она слишком жестоко поступила с ним. Что, если он в самом деле решится на что-нибудь страшное? «Чего доброго! может быть, он с горя вздумает влюбиться в другую и с досады станет называть ее первую красавицею на селе? Но нет, он меня любит. Я так хороша!

Он меня ни за что не променяет; он шалит, прикидывается. Не пройдет минут десять, как он, верно, придет поглядеть на меня. Я в самом деле сурова. Нужно ему дать, как будто нехотя, поцеловать себя. То-то он обрадуется!» И ветреная красавица уже шутила с своими подругами.

– Пойдите, – сказала одна из них, – кузнец позабыл мешки свои; смотрите, какие страшные мешки! Он не по-нашему наколядовал: я думаю, сюда по целой четверти барана кидали; а колбасам и хлебам, верно, счету нет. Роскошь! целые праздники можно объедаться.

– Это кузнецовы мешки? – подхватила Оксана. – Утащим скорее их ко мне в хату и разглядим хорошенько, что он сюда наклал.

Все со смехом одобрили такое предложение.

– Но мы не поднимем их! – закричала вся толпа вдруг, силясь сдвинуть мешки.

– Пойдите, – сказала Оксана, – побежим скорее за санками и отвезем на санках!

И толпа побежала за санками.

С помощью хитрости, обмана и коварства черт сбивает человека с верного пути, заводит в глухие места, мешает работе, подталкивает на злодейские поступки. Также черт похищает детей, ворует понравившиеся в доме вещи, выполняет различные поручения дьявола. Считалось, что упоминает вслух имени черта достаточно, чтобы он услышал это и приблизился к неосторожному человеку, навредил ему.

Пленникам сильно прискучило сидеть в мешках, несмотря на то что дьяк проткнул для себя пальцем порядочную дыру. Если бы еще не было народу, то, может быть, он нашел бы средство вылезть; но вылезть из мешка при всех, показать себя на смех... это удерживало его, и он решил ждать, слегка только побряхтывая под невежливыми сапогами Чуба. Чуб сам не менее желал свободы, чувствуя, что под ним лежит что-то такое, на котором сидеть страх было неловко. Но как скоро услышал решение своей дочери, то успокоился и не хотел уже вылезть, рассуждая, что к хате своей нужно пройти, по крайней мере, шагов с сотню, а может быть, и другую. Вылезши же, нужно оправиться, застегнуть кожух, подвязать пояс – сколько работы! да и капелюхи остались у Солохи. Пусть же лучше дивчата довезут на санках. Но случилось совсем не так, как ожидал Чуб. В то время, когда дивчата побежали за санками, худощавый кум выходил из шинка расстроенный и не в духе. Шинкарка никаким образом не решалась ему верить в долг; он хотел было дожидаться, авось-либо придет какой-нибудь набожный дворянин

и попотчует его; но, как нарочно, все дворяне оставались дома и, как честные христиане, ели кутью посреди своих домашних. Размышляя о развращении нравов и о деревянном сердце жидовки, продающей вино, кум набрел на мешки и остановился в изумлении.

– Вишь, какие мешки кто-то бросил на дороге! – сказал он, осматриваясь по сторонам. – Должно быть, тут и свинина есть. Повезло же кому-то счастье наколядовать столько всякой всячины! Экие страшные мешки! Положим, что они набиты гречанками да коржами, и то добре. Хотя бы были тут одни паляницы, и то в шмак: жидовка за каждую паляницу дает осьмуху водки. Утащить скорее, чтобы кто не увидел. – Тут взвалил он себе на плеча мешок с Чубом и дьяком, но почувствовал, что он слишком тяжел. – Нет, одному будет тяжело несть, – проговорил он, – а вот, как нарочно, идет ткач Шапуваленко. Здравствуй, Остап!

– Здравствуй, – сказал, остановившись, ткач.

– Куда идешь?

– А так, иду, куда ноги идут.

– Помоги, человек добрый, мешки снести! кто-то колядовал, да и кинул посреди дороги.

Добром поделимся пополам.

– Мешки? а с чем мешки, с книшами или паляницами?

– Да, думаю, всего есть.

Тут выдернули они наскоро из плетня палки, положили на них мешок и понесли на плечах.

– Куда ж мы понесем его? в шинок? – спросил дорогою ткач.

– Оно бы и я так думал, чтобы в шинок; но ведь проклятая жидовка не поверит, подумает еще, что где-нибудь украли; к тому ж я только что из шинка. Мы отнесем его в мою хату. Нам никто не помешает: жинки нет дома.

– Да точно ли нет дома? – спросил осторожный ткач.

– Слава богу, мы не совсем еще без ума, – сказал кум, – черт ли бы принес меня туда, где она. Она, думаю, протаскается с бабами до света.

– Кто там? – закричала кумова жена, услышав шум в сенях, произведенный приходом двух приятелей с мешком, и отворяя дверь.

Кум остолбенел.

– Вот тебе на! – произнес ткач, опуская руки.

Кумова жена была такого рода сокровище, каких немало на белом свете. Так же как и ее муж, она почти никогда не сидела дома и почти весь день пресмыкалась у кумушек и зажиточных старух, хвалила и ела с большим аппетитом и дралась только по утрам с своим мужем, потому что в это только время и видела его иногда. Хата их была вдвое старше шаровар волостного писаря, крыша в некоторых местах была без соломы. Плетня видны были одни остатки, потому что всякий выходявший из дому никогда не брал палки для собак, в надежде, что будет проходить мимо кумова огорода и выдернет любую из его плетня. Печь не топилась дня по три. Все, что ни напрашивала нежная супруга у добрых людей, прятала как можно подальше от своего мужа и часто самоуправно отнимала у него добычу, если он не успевал ее пропить в шинке. Кум, несмотря на всегдашнее хладнокровие, не любил уступать ей и оттого почти всегда уходил из дому с фонарями под обоими глазами, а дорогая половина, охая, плелась рассказывать старушкам о бесчинстве своего мужа и о претерпенных ею от него побоях.

Теперь можно себе представить, как были озадачены ткач и кум таким неожиданным явлением. Опустивши мешок, они заступили его собою и закрыли полами; но уже было поздно: кумова жена хотя и дурно видела старыми глазами, однако ж мешок заметила.

– Вот это хорошо! – сказала она с таким видом, в котором заметна была радость ястреба. – Это хорошо, что наколядовали столько! Вот так всегда делают добрые люди; только нет, я думаю, где-нибудь подцепили. Покажите мне сейчас, слышите, покажите сей же час мешок ваш!

– Лысый черт тебе покажет, а не мы, – сказал, приосанясь, кум.

– Тебе какое дело? – сказал ткач. – Мы наколядовали, а не ты.

– Нет, ты мне покажешь, негодный пьяница! – вскричала жена, ударив высокого кума кулаком в подбородок и продираясь к мешку.

Но ткач и кум мужественно отстояли мешок и заставили ее попятиться назад. Не успели они оправиться, как супруга выбежала в сени уже с кочергой в руках. Проворнохватила кочергою мужа по рукам, ткача по спине и уже стояла возле мешка.

– Что мы допустили ее? – сказал ткач, очнувшись.

– Э, что мы допустили! а отчего ты допустил? – сказал хладнокровно кум.

– У вас кочерга, видно, железная! – сказал после небольшого молчания ткач, почесывая спину. – Моя жинка купила прошлый год на ярмарке кочергу, дала пивкопы, – та ничего... не больно...

Между тем торжествующая супруга, поставив на пол каганец, развязала мешок и заглянула в него. Но, верно, старые глаза ее, которые так хорошо увидели мешок, на этот раз обманулись.

– Э, да тут лежит целый кабан! – вскрикнула она, всплеснув от радости в ладоши.

– Кабан! слышишь, целый кабан! – толкал ткач кума. – А все ты виноват!

– Что ж делать! – произнес, пожимая плечами, кум.

– Как что? чего мы стоим? отнимем мешок! ну, приступай!

– Пошла прочь! пошла! это наш кабан! – кричал, выступая, ткач.

– Ступай, ступай, чертова баба! это не твое добро! – говорил, приближаясь, кум.

Супруга принялась снова за кочергу, но Чуб в это время вылез из мешка и стал посреди сеней, потягиваясь, как человек, только что пробудившийся от долгого сна.

Кумова жена вскрикнула, ударивши об полы руками, и все неволью разинули рты.

– Что ж она, дура, говорит: кабан! Это не кабан! – сказал кум, выпуча глаза.

– Вишь, какого человека кинуло в мешок! – сказал ткач, пятясь от испугу. – Хоть что хочешь говори, хоть тресни, а не обошлось без нечистой силы. Ведь он не пролезет в окошко.

– Это кум! – вскрикнул, взглядевшись, кум.

– А ты думал кто? – сказал Чуб, усмехаясь. – Что, славную я выкинул над вами штуку? А вы небось хотели меня съесть вместо свинины? Пойдите же, я вас порадую: в мешке лежит еще что-то, – если не кабан, то, наверно, поросенок или иная живность. Подо мною беспрестанно что-то шевелилось.

Ткач и кум кинулись к мешку, хозяйка дома уцепилась с противной стороны, и драка возобновилась бы снова, если бы дьяк, увидевши теперь, что ему некуда скрыться, не выкарабкался из мешка.

Кумова жена, остолбенев, выпустила из рук ногу, за которую начала было тянуть дьяка из мешка.

– Вот и другой еще! – вскрикнул со страхом ткач. – Черт знает как стало на свете... голова идет кругом... не колбас и не паляниц, а людей кидают в мешки!

– Это дьяк! – произнес изумившийся более всех Чуб. – Вот тебе на! ай да Солоха! посадить в мешок... То-то, я гляжу, у нее полная хата мешков... Теперь я все знаю: у нее в каждом мешке сидело по два человека. А я думал, что она только мне одному... Вот тебе и Солоха!

Девушки немного удивились, не найдя одного мешка. «Нечего делать, будет с нас и этого», – лепетала Оксана. Все принялись за мешок и взвалили его на санки.

Голова решился молчать, рассуждая: если он закричит, чтобы его выпустили и развязали мешок, – глупые дивчата разбегутся, подумают, что в мешке сидит дьявол, и он останется на улице, может быть, до завтра.

Девушки между тем, дружно взявшись за руки, полетели, как вихорь, с санками по скрипучему снегу. Множество, шаяля, садилось на санки; другие взбирались на самого голову. Голова решил сносить все.

Наконец приехали, открыли настежь двери в сенях и хате и с хохотом втащили мешок.

– Посмотрим, что-то лежит тут, – закричали все, бросившись развязывать.

Тут икотка, которая не переставала мучить голову во все время сидения его в мешке, так усилилась, что он начал икать и кашлять во все горло.

– Ах, тут сидит кто-то! – закричали все и в испуге бросились вон из дверей.

– Что за черт! куда вы мечетесь, как угорелые? – сказал, входя в дверь, Чуб.

– Ах, батько! – произнесла Оксана. – В мешке сидит кто-то!

– В мешке? где вы взяли этот мешок?

– Кузнец бросил его посередине дороги, – сказали все вдруг.

«Ну, так, не говорил ли я?..» – подумал про себя Чуб.

– Чего ж вы испугались? посмотрим. А ну-ка, чоловіче, прошу не погневиться, что не называем по имени и отчеству, вылезай из мешка!

Голова вылез.

– Ах! – вскрикнули девушки.

«И голова влез туда ж, – говорил про себя Чуб, в недоумении меряя его с головы до ног, – вишь как!.. Э!..» – Более он ничего не мог сказать.

Голова сам был не меньше смущен и не знал, что начать.

– Должно быть, на дворе холодно? – сказал он, обращаясь к Чубу.

– Морозец есть, – отвечал Чуб. – А позволь спросить тебя, чем ты смазываешь свои сапоги, смальцем или дегтем?

Он хотел не то сказать, он хотел спросить: «Как ты, голова, залез в этот мешок?» – но сам не понимал, как выговорил совершенно другое.

– Дегтем лучше! – сказал голова. – Ну, прощай, Чуб! – И, нахлобучив капелюхи, вышел из хаты.

– Для чего спросил я сдуру, чем он мажет сапоги! – произнес Чуб, поглядывая на двери, в которые вышел голова. – Ай да Солоха! эдакого человека засадить в мешок!.. Вишь, чертова баба! А я дурак... да где же тот проклятый мешок?

– Я кинула его в угол, там больше ничего нет, – сказала Оксана.

– Знаю я эти штуки, ничего нет! подайте его сюда: там еще один сидит! Встряхните его хорошенько... Что, нет?.. Вишь, проклятая баба! А поглядеть на нее – как святая, как будто и скромного никогда не брала в рот.

Но оставим Чуба изливать на досуге свою досаду и возвратимся к кузнецу, потому что уже на дворе, верно, есть час девятый.

Сначала страшно показалось Вакуле, когда поднялся он от земли на такую высоту, что ничего уже не мог видеть внизу, и пролетел как муха под самым месяцем так, что если бы не наклонился немного, то зацепил бы его шапкою. Однако ж мало спустя он ободрился и уже стал подшучивать над чертом. Его забавляло до крайности, как черт чихал и кашлял, когда он снимал с шеи кипарисный крестик и подносил к нему. Нарочно поднимал он руку почесать голову, а черт, думая, что его собираются крестить, летел еще быстрее. Все было светло в вышине. Воздух в легком серебряном тумане был прозрачен. Все было видно, и даже можно было заметить, как вихрем пронесся мимо их, сидя в горшке, колдун; как звезды, собравшись в кучу, играли в жмурки; как клубился в стороне облаком целый рой духов; как плясавший при месяце черт снял шапку, увидавши кузнеца, скачущего верхом; как летела возвращавшаяся назад метла, на которой, видно, только съездила куда нужно ведьма... много еще дряни встречали они. Все, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядеть на него и потом снова

неслось далее и продолжало свое; кузнец все летел; и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне. (Тогда была по какому-то случаю иллюминация.) Черт, перелетев через шлагбаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на лихом бегуне среди улицы.

Боже мой! стук, гром, блеск; по обеим сторонам громоздятся четырехэтажные стены; стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон; дома росли и будто подымались из земли на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, фореиторы кричали; снег свистел под тысячью летящих со всех сторон саней; пешеходы жались и теснились под домами, унизанными площадками, и огромные тени их мелькали по стенам, досягая головою труб и крыш. С изумлением оглядывался кузнец на все стороны. Ему казалось, что все дома устремили на него свои бесчисленные огненные очи и глядели. Господ в крытых сукном шубах он увидел так много, что не знал, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько тут панства! – подумал кузнец. – Я думаю, каждый, кто ни пройдет по улице в шубе, то и заседатель, то и заседатель! а те, что катаются в таких чудных бричках со стеклами, те когда не городничие, то, верно, комиссары, а может, еще и больше». Его слова прерваны были вопросом черта: «Прямо ли ехать к царице?» «Нет, страшно, – подумал кузнец. – Тут где-то, не знаю, пристали запорожцы, которые проезжали осенью чрез Диканьку. Они ехали из Сечи с бумагами к царице; все бы таки посоветоваться с ними».

– Эй, сатана, полезай ко мне в карман да веди к запорожцам!

Черт в одну минуту похудел и сделался таким маленьким, что без труда влез к нему в карман. А Вакула не успел оглянуться, как очутился перед большим домом, вошел, сам не зная как, на лестницу, отворил дверь и подался немного назад от блеска, увидевши убранную комнату; но немного ободрился, узнавши тех самых запорожцев, которые проезжали через Диканьку, сидевших на шелковых диванах, поджав под себя намазанные дегтем сапоги, и куривших самый крепкий табак, называемый обыкновенно корешками.

– Здравствуйте, панове! помогай бог вам! вот где увиделись! – сказал кузнец, подошедши близко и отвесивши поклон до земли.

– Что там за человек? – спросил сидевший перед самым кузнецом другого, сидевшего подальше.

– А вы не poznали? – сказал кузнец. – Это я, Вакула, кузнец! Когда проезжали осенью через Диканьку, то прогостили, дай боже вам всякого здоровья и долголетия, без малого два дни. И новую шину тогда поставил на переднее колесо вашей кибитки!

– А! – сказал тот же запорожец. – Это тот самый кузнец, который малюет важно. Здорово, земляк, зачем тебя бог принес?

– А так, захотелось поглядеть, говорят...

– Что ж, земляк, – сказал, приосанясь, запорожец и желая показать, что он может говорить и по-русски, – што балшой город?

Кузнец и себе не хотел осрамиться и показаться новичком, притом же, как имели случай видеть выше сего, он знал и сам грамотный язык.

– Губерния знатная! – отвечал он равнодушно. – Нечего сказать: дома балшушие, картины висят скрозь важные. Многие дома исписаны буквами из сусального золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорция!

Запорожцы, услышавши кузнеца, так свободно изъясняющегося, вывели заключение очень для него выгодное.

– После потолкуем с тобою, земляк, побольше; теперь же мы едем сейчас к царице.

– К царице? А будьте ласковы, панове, возьмите и меня с собою!

– Тебя? – произнес запорожец с таким видом, с каким говорит дядька четырехлетнему своему воспитаннику, просящему посадить его на настоящую, на большую лошадь. – Что ты будешь там делать? Нет, не можно. – При этом на лице его выразилась значительная мина. – Мы, брат, будем с царицею толковать про свое.

– Возьмите! – настаивал кузнец. – Проси! – шепнул он тихо черту, ударив кулаком по карману.

Не успел он этого сказать, как другой запорожец проговорил:

– Возьмем его, в самом деле, братцы!

– Пожалуй, возьмем! – произнесли другие.

– Надевай же платье такое, как и мы.

Кузнец схватился натянуть на себя зеленый жупан, как вдруг дверь отворилась и вошедший с позументами человек сказал, что пора ехать.

Чудно снова показалось кузнецу, когда он понесся в огромной карете, качаясь на рессорах, когда с обеих сторон мимо его бежали назад четырехэтажные дома и мостовая, гремя, казалось, сама катилась под ноги лошадям.

«Боже ты мой, какой свет! – думал про себя кузнец. – У нас днем не бывает так светло». Кареты остановились перед дворцом. Запорожцы вышли, вступили в великолепные сени и начали подыматься на блистательно освещенную лестницу.

– Что за лестница! – шептал про себя кузнец. – Жаль ногами топтать. Экие украшения! Вот, говорят, лгут сказки! кой черт лгут! боже ты мой, что за перила! какая работа! тут одного железа рублей на пятьдесят пошло!

Уже взобравшись на лестницу, запорожцы прошли первую залу. Робко следовал за ними кузнец, опасаясь на каждом шагу поскользнуться на паркете. Прошли три залы, кузнец все еще не переставал удивляться. Вступивши в четвертую, он невольно подошел к висевшей на стене картине. Это была Пречистая Дева с младенцем на руках. «Что за картина! что за чудная живопись! – рассуждал он. – Вот, кажется, говорит! кажется, живая! а дитя святое! и ручки прижало! и усмехается, бедное! а краски! боже ты мой, какие краски! тут вохры, я думаю, и на копейку не пошло, все ярь да бакан; а голубая так и горит! важная работа! должно быть, грунт наведен был блейвасом. Сколь, однако ж, ни удивительны сии малевания, но эта медная ручка, – продолжал он, подходя к двери и щупая замок, – еще большего достойна удивления. Эх какая чистая выделка! это всё, я думаю, немецкие кузнецы, за самые дорогие цены делали...»

Может быть, долго еще бы рассуждал кузнец, если бы лакей с галунами не толкнул его под руку и не напомнил, чтобы он не отставал от других. Запорожцы прошли еще две залы и остановились. Тут велено им было дожидаться. В зале толпилось несколько генералов в шитых золотом мундирах. Запорожцы поклонились на все стороны и стали в кучу.

Минуту спустя вошел в сопровождении целой свиты величественного роста, довольно плотный человек в гетьманском мундире, в желтых сапожках. Волосы на нем были растрепаны, один глаз немного крив, на лице изображалась какая-то надменная величавость, во всех движениях видна была привычка повелевать. Все генералы, которые расхаживали довольно спесиво в золотых мундирах, засуетились и с низкими поклонами, казалось, ловили его каждое слово и даже малейшее движение, чтобы сейчас лететь выполнять его. Но гетьман не обратил даже и внимания, едва кивнул головою и подошел к запорожцам.

Запорожцы отвесили все поклон в ноги.

– Все ли вы здесь? – спросил он протяжно, произнося слова немного в нос.

– Та вси, батько! – отвечали запорожцы, кланяясь снова.

– Не забудете говорить так, как я вас учил?

– Нет, батько, не позабудем.

– Это царь? – спросил кузнец одного из запорожцев.

– Куда тебе царь! это сам Потемкин, – отвечал тот.

В другой комнате слышались голоса, и кузнец не знал, куда деть свои глаза от множества вошедших дам в атласных платьях с длинными хвостами и придворных в шитых золотом кафтанах и с пучками назад. Он только видел один блеск и больше ничего. Запорожцы вдруг все пали на землю и закричали в один голос:

– Помилуй, мамо! помилуй!

Кузнец, не видя ничего, растянулся и сам со всем усердием на полу.

– Встаньте! – прозвучал над ними повелительный и вместе приятный голос. Некоторые из придворных засуетились и толкали запорожцев.

– Не встанем, мамо! не встанем! умрем, а не встанем! – кричали запорожцы.

Потемкин кусал себе губы, наконец подошел сам и повелительно шепнул одному из запорожцев. Запорожцы поднялись.

Тут осмелился и кузнец поднять голову и увидел стоявшую перед собою небольшого роста женщину, несколько даже дородную, напудренную, с голубыми глазами, и вместе с тем величественно улыбающимся видом, который так умел покорять себе все и мог только принадлежать одной царствующей женщине.

– Светлейший обещал меня познакомить сегодня с моим народом, которого я до сих пор еще не видала, – говорила дама с голубыми глазами, рассматривая с любопытством запорожцев. – Хорошо ли вас здесь содержат? – продолжала она, подходя ближе.

– Та спасибо, мамо! Провиант дают хороший, хотя бараны здешние совсем не то, что у нас на Запорожье, – почему ж не жить как-нибудь?..

Потемкин поморщился, видя, что запорожцы говорят совершенно не то, чему он их учил...

Один из запорожцев, приосанясь, выступил вперед:

– Помилуй, мамо! зачем губишь верный народ? чем прогневили? Разве держали мы руку поганого татарина; разве соглашались в чем-либо с турчином; разве изменили тебе делом или помышлением? За что ж немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь везде строить крепости от нас; после слышали, что хочешь поворотить в карабинеры; теперь слышим новые напасти. Чем виновато запорожское войско? тем ли, что перевело твою армию чрез Перекоп и помогло твоим енералам порубать крымцев?..

Потемкин молчал и небрежно чистил небольшою щеточкою свои бриллианты, которыми были унижены его руки.

– Чего же хотите вы? – заботливо спросила Екатерина.

Запорожцы значительно взглянули друг на друга.

«Теперь пора! Царица спрашивает, чего хотите!» – сказал сам себе кузнец и вдруг повалился на землю.

– Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать! Из чего, не во гнев будь сказано вашей царской милости, сделаны черевички, что на ногах ваших? Я думаю, ни один швец ни в одном государстве на свете не сумеет так сделать. Боже ты мой, что, если бы моя жинка надела такие черевички!

Государыня засмеялась. Придворные засмеялись тоже. Потемкин и хмурился и улыбался вместе. Запорожцы начали толкать под руку кузнеца, думая, не с ума ли он сошел.

– Встань! – сказала ласково государыня. – Если так тебе хочется иметь такие башмаки, то это нетрудно сделать. Принесите ему сей же час башмаки самые дорогие, с золотом! Право, мне очень нравится это простодушие! Вот вам, – продолжала государыня, устремив глаза на стоявшего подалее от других средних лет человека с полным, но несколько бледным лицом, которого скромный кафтан с большими перламутровыми пуговицами показывал, что он не принадлежал к числу придворных, – предмет, достойный остроумного пера вашего!

– Вы, ваше императорское величество, слишком милостивы. Сюда нужно, по крайней мере, Лафонтена! – отвечал, поклонясь, человек с перламутровыми пуговицами.

– По чести скажу вам: я до сих пор без памяти от вашего «Бригадира». Вы удивительно хорошо читаете! Однако ж, – продолжала государыня, обращаясь снова к запорожцам, – я слышала, что на Сечи у вас никогда не женятся.

– Як же, мамо! ведь человеку, сама знаешь, без жинки нельзя жить, – отвечал тот самый запорожец, который разговаривал с кузнецом, и кузнец удивился, слыша, что этот запорожец, зная так хорошо грамотный язык, говорит с царицею, как будто нарочно, самым грубым, обыкновенно называемым мужицким наречием. «Хитрый народ! – подумал он сам в себе. – Верно, недаром он это делает».

– Мы не чернецы, – продолжал запорожец, – а люди грешные. Падки, как и все честное христианство, до скоромного. Есть у нас не мало таких, которые имеют жен, только не живут с ними на Сечи. Есть такие, что имеют жен в Польше; есть такие, что имеют жен в Украине; есть такие, что имеют жен и в Турешине.

В это время кузнецу принесли башмаки.

– Боже ты мой, что за украшение! – вскрикнул он радостно, ухватив башмаки. – Ваше царское величество! Что ж, когда башмаки такие на ногах и в них, чаятельно, ваше благородие, ходите и на лед ковзаться, какие ж должны быть самые ножки? думаю, по малой мере из чистого сахара.

Государыня, которая точно имела самые стройные и прелестные ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой комплимент из уст простодушного кузнеца, который в своем запорожском платье мог похвастаться красавцем, несмотря на смуглое лицо.

В русских сказках герой нередко нуждается в помощи нечистой силой, чтобы справиться с испытаниями. Баба-Яга вручает ему волшебный клубок, указывающий единственную надежную и верную дорогу. Черт в повести «Ночь перед Рождеством» помогает кузнецу Вакуле слетать в столицу к императрице. Писатель не стремился наводить ужас на своих читателей. Здесь заметен иронический тон по отношению к чертовщине, которой переполнены народные предания. Он как бы жалеет неприкажанные потусторонние силы: «Мороз увеличился и вверху так сделалось холодно, что черт перепрыгивал с одного копытца на другое и дул себе в кулак, желая сколько-нибудь отогреть мерзнувшие руки. Не мудрено, однако ж, и смерзнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, не так холодно, как у нас зимою, и где, надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистер, поджаривал он грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на Рождество колбасу».

Обрадованный таким благосклонным вниманием, кузнец уже хотел было расспросить хорошенько царицу о всем: правда ли, что цари едят один только мед да сало, и тому подобное; но, почувствовав, что запорожцы толкают его под бока, решил замолчать. И когда государыня, обратившись к старикам, начала спрашивать, как у них живут на Сечи, какие обы-

чай водятся, – он, отошедши назад, нагнулся к карману, сказал тихо: «Выноси меня отсюда скорее!» – и вдруг очнулся за шлагбаумом.

– Утонул! ей-богу, утонул! вот чтобы я не сошла с этого места, если не утонул! – лепетала толстая ткачиха, стоя в куче диканьских баб посередине улицы.

– Что ж, разве я лгунья какая? разве я у кого-нибудь корову украду? разве я сглазила кого, что ко мне не имеют веры? – кричала баба в козацкой свитке, с фиолетовым носом, размахивая руками. – Вот чтобы мне воды не захотелось пить, если старая Переперчиха не видела собственными глазами, как повесился кузнец!

– Кузнец повесился? вот тебе на! – сказал голова, выходявший от Чуба, остановился и протеснился ближе к разговаривавшим.

– Скажи лучше, чтоб тебе водки не захотелось пить, старая пьяница! – отвечала ткачиха. – Нужно быть такой сумасшедшей, как ты, чтобы повеситься! Он утонул! утонул в пролуде! Это я так знаю, как то, что ты была сейчас у шинкарки.

– Срамница! вишь, чем стала попрекать! – гневно возразила баба с фиолетовым носом. – Молчала бы, негодница! Разве я не знаю, что к тебе дьяк ходит каждый вечер?

Ткачиха вспыхнула.

– Что дьяк? к кому дьяк? что ты врешь?

– Дьяк? – пропела, теснясь к спорившим, дьячиха, в тулупе из заячьего меха, крытом синюю китайкой. – Я дам знать дьяка! Кто это говорит – дьяк?

– А вот к кому ходит дьяк! – сказала баба с фиолетовым носом, указывая на ткачиху.

– Так это ты, сука, – сказала дьячиха, подступая к ткачихе, – так это ты, ведьма, напускаешь ему туман и поишь нечистым зельем, чтобы ходил к тебе?

– Отвяжись от меня, сатана! – говорила, пятясь, ткачиха.

– Вишь, проклятая ведьма, чтоб ты не дождала детей своих видеть, негодная! Тьфу!.. – Тут дьячиха плюнула прямо в глаза ткачихе.

Ткачиха хотела и себе сделать то же, но вместо того плюнула в небритую бороду голове, который, чтобы лучше все слышать, подобрался к самим спорившим.

– А, скверная баба! – закричал голова, обтирая полою лицо и поднявши кнут. Это движение заставило всех разойтись с ругательствами в разные стороны. – Экая мерзость! – повторял он, продолжая обтираться. – Так кузнец утонул! Боже ты мой, а какой важный живописец был! какие ножи крепкие, серпы, плуги умел выковывать! Что за сила была! Да, – продолжал он, задумавшись, – таких людей мало у нас на селе. То-то я, еще сидя в проклятом мешке, замечал, что бедняжка был крепко не в духе. Вот тебе и кузнец! был, а теперь и нет! А я собиравшись было подковать свою рябую кобылу!..

И, будучи полон таких христианских мыслей, голова тихо побрел в свою хату.

Оксана смутилась, когда до нее дошли такие вести. Она мало верила глазам Переперчихи и толкам баб; она знала, что кузнец довольно набожен, чтобы решиться погубить свою душу. Но что, если он в самом деле ушел с намерением никогда не возвращаться в село? А вряд ли и в другом месте где найдется такой молодец, как кузнец! Он же так любил ее! Он долее всех выносил ее капризы! Красавица всю ночь под своим одеялом поворачивалась с правого бока на левый, с левого на правый – и не могла заснуть. То, разметавшись в обворожительной наготе, которую ночной мрак скрывал даже от нее самой, она почти вслух бранила себя; то, приутихнув, решалась ни о чем не думать – и все думала. И вся горела; и к утру влюбилась по уши в кузнеца.

Чуб не изъявил ни радости, ни печали об участии Вакулы. Его мысли заняты были одним: он никак не мог позабыть вероломства Солохи и сонный не переставал бранить ее.

Настало утро. Вся церковь еще до света была полна народа. Пожилые женщины в белых намитках, в белых суконных свитках набожно крестились у самого входа церковного. Дво-

рянки в зеленых и желтых кофтах, а иные даже в синих кунтушах с золотыми назади усами, стояли впереди их. Дивчата, у которых на головах намотана была целая лавка лент, а на шее монист, крестов и дукатов, старались пробраться еще ближе к иконостасу. Но впереди всех стояли дворяне и простые мужики с усами, с чубами, с толстыми шеями и только что выбритыми подбородками, все большею частию в кобеняках, из-под которых выказывалась белая, а у иных и синяя свитка. На всех лицах, куда ни взглянь, виден был праздник. Голова облизывался, воображая, как он разговееется колбасою; дивчата помышляли о том, как они будут ковзаться с хлопцами на льду; старухи усерднее, нежели когда-либо, шептали молитвы. По всей церкви слышно было, как козак Свербыгуз клал поклоны. Одна только Оксана стояла как будто не своя: молилась и не молилась. На сердце у нее столпилось столько разных чувств, одно другого досаднее, одно другого печальнее, что лицо ее выражало одно только сильное смущение; слезы дрожали на глазах. Дивчата не могли понять этому причины и не подозревали, чтобы виною был кузнец. Однако ж не одна Оксана была занята кузнецом. Все миряне заметили, что праздник – как будто не праздник; что как будто все чего-то недостает. Как на беду, дьяк после путешествия в мешке охрип и дребезжал едва слышным голосом; правда, приезжий певчий славно брал баса, но куда бы лучше, если бы и кузнец был, который всегда, бывало, как только пели «Отче наш» или «Иже херувимы», всходил на крылос и выводил оттуда тем же самым напевом, каким поют и в Полтаве. К тому же он один исправлял должность церковного титара. Уже отошла заутреня; после заутрени отошла обедня... куда ж это, в самом деле, запропастился кузнец?

Еще быстрее в остальное время ночи неся черт с кузнецом назад. И мигом очутился Вакула около своей хаты. В это время пропел петух. «Куда? – закричал он, ухватя за хвост хотевшего убежать черта. – Постой, приятель, еще не все: я еще не поблагодарил тебя». Тут, схвативши хворостину, отвесил он ему три удара, и бедный черт припустил бежать, как мужик, которого только что выпарил заседатель. Итак, вместо того чтобы провесть, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен. После сего Вакула вошел в сени, зарылся в сено и проспал до обеда. Проснувшись, он испугался, когда увидел, что солнце уже высоко: «Я проспал заутреню и обедню!» Тут благочестивый кузнец погрузился в уныние, рассуждая, что это, верно, Бог нарочно, в наказание за грешное его намерение погубить свою душу, наслал сон, который не дал даже ему побывать в такой торжественный праздник в церкви. Но, однако ж, успокоив себя тем, что в следующую неделю исповедается в этом попу и с сегодняшнего же дня начнет бить по пятидесяти поклонов через весь год, заглянул он в хату; но в ней не было никого. Видно, Солоха еще не возвращалась. Бережно вынул он из пазухи башмаки и снова изумился дорогой работе и чудному происшествию минувшей ночи; умылся, оделся как можно лучше, надел то самое платье, которое достал от запорожцев, вынул из сундука новую шапку из решетиловских смушек с синим верхом, которой не надевал еще ни разу с того времени, как купил ее еще в бытность в Полтаве; вынул также новый всех цветов пояс; положил все это вместе с нагайкою в платок и отправился прямо к Чубу.

Чуб выпучил глаза, когда вошел к нему кузнец, и не знал, чему удивиться: тому ли, что кузнец воскрес, тому ли, что кузнец смел к нему прийти, или тому, что он нарядился таким щеголем и запорожцем. Но еще больше изумился он, когда Вакула развязал платок и положил перед ним новехонькую шапку и пояс, какого не видано было на селе, а сам повалился ему в ноги и проговорил умоляющим голосом:

– Помилуй, батько! не гнеvisь! вот тебе и нагайка: бей, сколько душа пожелает, отдаюсь сам; во всем каюсь; бей, да не гнеvisь только! Ты ж когда-то брался с покойным батьком, вместе хлеб-соль ели и магарыч пили.

Чуб не без тайного удовольствия видел, как кузнец, который никому на селе в ус не дул, сгибал в руке пятаки и подковы, как гречневые блины, тот самый кузнец лежал у ног его. Чтoб еще больше не уронить себя, Чуб взял нагайку и ударил его три раза по спине.

– Ну, будет с тебя, вставай! старых людей всегда слушай! Забудем все, что было меж нами! Ну, теперь говори, чего тебе хочется?

– Отдай, батько, за меня Оксану!

Чуб немного подумал, поглядел на шапку и пояс: шапка была чудная, пояс также не уступал ей; вспомнил о вероломной Солохе и сказал решительно:

– Добре! присылай сватов!

– Ай! – вскрикнула Оксана, переступив через порог и увидев кузнеца, и вперила с изумлением и радостью в него очи.

– Погляди, какие я тебе принес черевики! – сказал Вакула. – Те самые, которые носит царица.

– Нет! нет! мне не нужно черевиков! – говорила она, махая руками и не сводя с него очей. – Я и без черевиков... – Далее она не договорила и покраснела.

Кузнец подошел ближе, взял ее за руку; красавица и очи потупила. Еще никогда не была она так чудно хороша. Восхищенный кузнец тихо поцеловал ее, и лицо ее пуше загорелось, и она стала еще лучше.

Проезжал через Диканьку блаженной памяти архиерей, хвалил место, на котором стоит село, и, проезжая по улице, остановился перед новой хатою.

– А чья это такая размалеванная хата? – спросил преосвященный у стоявшей близ дверей красивой женщины с дитятей на руках.

– Кузнеца Вакулы! – сказала ему, кланяясь, Оксана, потому что это именно была она.

– Славно! славная работа! – сказал преосвященный, разглядывая двери и окна. А окна все были обведены кругом красною краскою; на дверях же везде были козаки на лошадях, с трубками в зубах.

Но еще больше похвалил преосвященный Вакулу, когда узнал, что он выдержал церковное покаяние и выкрасил даром весь левый крылос зеленою краскою с красными цветами. Это, однако ж, не все: на стене сбоку, как войдешь в церковь, намалевал Вакула черта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо; а бабы, как только расплакивалось у них на руках дитя, подносили его к картине и говорили: «От бачь, яка кака намалевана!» – и дитя, удерживая слезенки, косилось на картину и жалось к груди своей матери.

Константин Ушинский Проказы старухи-зимы

Разозлилась старуха-зима, задумала она всякое дыхание со света сжить. Прежде всего она стала до птиц добираться: надоели ей они своим криком и писком.

Подула зима холодом, посорвала листья с лесов и дубрав и разметала их по дорогам. Некуда птицам деваться; стали они стайками собираться, думушку думать.

Собрались, покричали и полетели за высокие горы, за синие моря, в теплые страны. Остался воробей, и тот под стреху забился.

Видит зима, что птиц ей не догнать: накинута на зверей. Запорошила снегом поля, завалила сугробами леса, одела деревья ледяной корой и посылает мороз за морозом. Идут морозы один другого злее, с елки на елку перепрыгивают, потрескивают да пощелкивают, зверей пугают.

Не испугались звери: у одних шубы теплые, другие в глубокие норы запрятались; белка в дупле орешки грызет, медведь в берлоге лапу сосет; зайка, прыгаючи, греется, а лошадки, коровки, овечки давным-давно в тёплых хлевах готовое сено жуют, теплое пойло пьют.

Пуще злится зима – до рыб она добирается: посылает мороз за морозом, один другого лютее. Морозцы бойко бегут, молотками громко постукивают: без клиньев, без подклинков по озерам, по рекам мосты строят. Замерзли реки и озера, да только сверху, а рыба вся вглубь ушла: под ледяной кровлей ей еще теплее.

– Ну, постой же, – думает зима, – дойму я людей, и шлет мороз за морозом, один другого злее. Заволокли морозы узорами оконницы в окнах; стучат и в стены, и в двери, так что бревна лопаются. А люди затопили печки, пекут себе блины горячие да над зимою посмеиваются. Случится кому за дровами в лес ехать – наденет он тулуп, валенки, рукавицы тёплые да как примется топором махать, даже пот прошибет. По дорогам, будто зиме на смех, обозы потянулись: от лошадей пар валит, извозчики ногами потопывают, рукавицами похлопывают, плечами подергивают, морозцы похваляют.

Обиднее всего показалось зиме, что даже малые ребяташки – и те ее не боятся! Катаются себе на коньках да на салазках, в снежки играют, баб лепят, горы строят, водой поливают да еще мороз кличут: «Приди-ка пособить!» Щипнёт зима со злости одного мальчугана за ухо, другого за нос, даже побелеют, а мальчик схватит снегу, давай тереть – и разгорится у него лицо, как огонь.

Видит зима, что ничем ей не взять, заплакала со злости. Со стрех зимние слезы закали. Видно, весна недалеко!

Модест Богданов

О чем горевали птички

Только что проснулось солнышко на новый год. Под старой сиренью, на пушистом снегу, собралась целая толпа птичек. Были тут воробышки – буйные головушки; были тут чечётки – воробышкам тетки; были тут снегурочки – красненькие дурочки; были тут синички – птички-мастерички. Собрались толпою, судят, что им делать.

Старый год убрался – новый наступил. Дедушка морозец думал, как бы лучше встретить новый год. Заглянул он в окна: видит, все хлопочут, чистят и метут. Догадался старый; созывает тучи и велит посыпать землю свежим снегом. Тучам то и на руку, чтоб освободиться от снежинок лишних. Всю-то ночь работали; к утру на покой ушли. Как проснулось солнышко, видит – все чистенько, бело на земле. Только его деткам, пташкам и зверушкам, этот снег – беда. Травы позасыпало; на ветвях присесть нельзя. Голодают бедные – нечего поесть.

Собрались пичужки и ведут совет.

– Чуть жив, чуть жив, – говорит воробей.

– Фью, фью, фью, фью, – отвечает снегурочка. – Можно бы почек поесть, да на ветку нельзя присесть.

– Пинь-пинь, тарарах, кто голоден, тот дурак! – смеется синичка.

– Чего ж поесть, чего ж поесть? – спрашивает чечётка.

– Подождите, друзья! – говорит овсянка. – Новый снег непрочен. Солнышко его растопит, тогда найдем и зернышек.

– Да, – говорит воробей, – жди, кума, если сыта, а нам голод не тётка.

Толковали-толковали, а все ничего не придумали.

– Постойте, – говорит синичка, – я всех вас выручу.

Порхнула она и полетела на окно. Стук-стук в стекло. «Пинь, пинь, тарарах». Белая занавесочка не колыхнётся. Подождала она да опять стук-стук в окошко. «Пинь, пинь, тарарах, тарарах!» – громче прежнего закричала синичка.

Вдруг занавесочка колыхнулась, поднялась, и черноглазая девочка появилась перед синичкой. Синичка до того испугалась, что скорей порхнула прочь.

А птички подняли ее на смех.

– Что, – говорил воробей, – сунулась ворона в барские хоромы, да и бежать скорей.

– Ах ты, насмешник, конопляный воришка! – обиделась синичка. – Похожа ли я на ворону? Я тебе сейчас покажу, что я не трусиха, – и порхнула на окно.

Девочка даже руками захолопала от удовольствия.

– Митя, – кричит, – Николушка, поглядите, какая хорошенькая птичка прилетела ко мне!

– Тише, тише, – говорит Митя, – не то она улетит.

Прибегают оба мальчика, и пошли у них толки. Коля говорит:

– Я поймаю птичку.

– Нет, не поймашь, – дразнит Митя.

– Нет, поймаю.

А синичка так и вертится: «Пинь, пинь, тарарах!» Заглянула Леля вниз, там целая толпа птичек. Наохлились, прищурили глазки, сидят в снегу.

– Ах вы, глупые мальчики, – говорит Леля, – чем спорить, давайте накормим птичек. Видите, они голодные, озябли.

– Накормим, накормим, – повторили мальчики. – Только как это сделать? Форточки открывать нам не велено.

– А знаете как? – говорит хитрый Митя. – Мы попросим Григория. Он нам всё сделает.

Старый повар Григорий устроил живехонько. Перед окном на снегу он поставил ящик вверх дном, насыпал на него песку, а на песок всякого птичьего лакомства: конопляного семечка, проса, овса, хлебных крошек. Дети так и припали к стёклам окна. Прошло несколько минут.

– Пинь, пинь, тарарах! – кричит синичка.

Повертелась на дереве, порхнула на ящик и закричала от радости. Никогда ещё не ела она такого хорошего обеда! Скачет синичка по столику, как добрая хозяйка гостей созывает:

– Слетайтесь, воробышки-голодные утробушки; слетайтесь, чечёточки – весёлые трещоточки; слетайтесь, овсяночки, просяночки; слетайтесь, щеголята – весёлые ребята; слетайтесь, синички – милые сестрички!

И слетались пичужки на богатый стол пир пировать, низко кланялись синичке. А поевши, собрались, затянули хором песенку, кто во что горазд.

С той поры Григорию сторожу, баловнику детскому, прибавилась одна заботушка. Как начнётся утро, глядь, Митя пискун или Коля крикун бегут к нему с крошками, а Леля черноглазка тащит семечки – «Милый Гриша, отнеси завтрак птичкам».

С тех пор не о чем было горевать птичкам на нашем дворе. Каждый день в урочный час слетались они к окну детской и пировали на столике-ящике. С каждым днём на пир слеталось всё больше и больше гостей. С каждым днём птичий хор пел лучше и лучше.

– А, ведь хорошо, Леля, что ты придумала кормить птичек? – говаривал Николка, целуя свою маленькую сестренку.

Павел Засодимский

Волк

I

Жил-был на свете большой, здоровый, сильный волк. Шерсть у него была серая, густая, лохматая, и отлично грела его в зимнюю студеную пору. Его крупные желтоватые зубы заставляли дрожать и замирать от ужаса не одно заячье сердечко, – да что толковать об зайце, когда животные покрупнее и посильнее зайца готовы были совсем одуреть со страху при виде этих щелкающих отвратительных зубов. Глаза у него, хотя и нередко наливавшиеся кровью, были бойки, дальнозорки, а ночью, впотьмах, они горели, как угольки, переливаясь красноватым и зеленоватым светом. Чутье у него было прекрасное: еще ни разу во всю свою жизнь не наскокил он невзначай на охотника, ни разу не попал под выстрел или под топор...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.